

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Фролова Юлия Сергеевна

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ПРОВИНЦИИ**

Специальность 22. 00. 04 - Социальная структура,

социальные институты и процессы

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора социологических наук

Москва 2007

Работа выполнена на кафедре социологии управления факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный консультант:

Гегель Людмила Арнольдовна, доктор социологических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Барулин Владимир Семенович, доктор философских наук, профессор

Осадчая Галина Ивановна, доктор социологических наук, профессор

Усманов Борис Фатыхович, доктор социологических наук, профессор

Ведущая организация:

Российская академия государственной службы при Президенте РФ.

Защита диссертации состоится «30» октября 2007 года в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.02 при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, 1-ый корпус гуманитарных факультетов, ауд. № ____.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной библиотеки им. А.М. Горького МГУ имени М.В. Ломоносова (1-ый корпус гуманитарных факультетов).

Автореферат разослан « ____ » _____ 2007 года.

Ученый секретарь диссертационного совета

Доктор философских наук А.Г. Маслова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В конце XX века Россия вступила в фазу системных трансформаций, продолжающуюся до настоящего времени. Социально-экономические, политические и культурные процессы двух последних десятилетий изменили основные стандарты жизни россиян, их политические приоритеты, экономические отношения, социальную структуру общества. Масштабность и стремительность трансформаций привели к отчуждению социальной деятельности человека от его терминальных нравственных ценностей, так как морально человек медленнее адаптируется к изменяющимся внешним условиям, чем физически. В связи с этим переживания людей, вызванные кризисом, отразились на всем социокультурном облике постсоветского российского пространства.

Условием выживания в неустойчивой социальной среде стал поиск успешных моделей социально-экономического поведения, адаптированных к новой реальности. Осложнили ситуацию масштабнейшие миграции, ускорившие маргинализацию населения и поляризацию общества, как в имущественном, так и в социокультурном плане. Однако

проблема не только в резком росте социальной дифференциации, нестабильности личностных перспектив и беспрецедентном прессинге новых ценностных моделей, обрушившихся на россиян. Очевидна масштабность культурно-ценностного конфликта, несогласованности поведенческих паттернов различных социальных слоев населения жителей столиц и отдаленных провинций.

Для большинства россиян понятным и единственным доступным социокультурным пространством является российская провинция, со специфическими характеристиками, слабо соответствующими реформационным веяниям. Все это вот уже 20 лет обостряет масштабность не только социального, но и антропокультурного противостояния в России, недооценивать последствия которого опасно.

Названные моменты активизировали интерес научного сообщества к анализу различных аспектов сложных трансформационных процессов в нашем обществе. Сегодня учеными исследуются причины и следствия экономического кризиса, перспективы стабилизации социума, вопросы стратификационных изменений в стране в целом, миграций населения и т.д. Однако, при всем многообразии изысканий, остается потребность в глубоком социологическом анализе современных российских процессов, особенно идущих в специфическом социокультурном пространстве провинции.

Привлечение внимания к социально-экономическому положению, этнокультурному и демографическому состоянию отдаленных российских провинций – актуальнейшая задача, напрямую связанная с обеспечением социальной стабильности и геополитической безопасности страны.

Современная российская провинция – специфический феномен, в котором зафиксированы исторически сформировавшиеся ценностные ориентиры, типы социального поведения, этнополитические установки и специфические экономические практики. Особую актуальность исследования российского периферийного социума приобретают при рассмотрении социальной структуры и системных изменений в российских провинциях с высокой степенью полиэтничности и миграционной активности.

К сожалению, большинство отечественных и зарубежных исследователей акцентируют внимание на макросоциальном видении проблем. Отмечается кризисное состояние современной российской социокультурной системы в целом, анализируется положение ее политических и экономических институтов, но реальная, повседневная жизнь людей

в российской глубинке изучается мало. Однако население российской периферии, с его восприятием происходящего, потребностями и надеждами, с его интеллектуальным и этнокультурным потенциалом, со специфическими ментальными характеристиками – это не просто фон происходящих трансформаций, а их непосредственный участник и жертва. Поэтому рассуждать о судьбе российского общества в XXI столетии, не уделяя внимания осмыслению мироощущения людей, живущих в этой стране, восприятию ими активных социальных процессов, в которые они погружены, невозможно.

В рамках сегодняшней реальности прежние идеологические схемы утратили актуальность, а либеральные ценности приживаются в сознании россиян с трудом. Поведение в духе рыночно-капиталистической стилистики реализуется меньшинством населения. Особенно ярко эти процессы проявляются в российской провинции, а в полиэтнических ее областях (принявших на себя за последние 15 лет ударную миграционную волну с Востока) социальные проблемы еще заметнее. Слабо контролируемая миграция оказывает не только экономическое или политическое, но и этно-социо-культурное воздействие на местные социумы, активно трансформируя исторически сложившийся облик российских периферийных территорий.

Таким образом, перспективы нашей страны, сохранение ее идентичности и целостности, адекватное восприятие социальных изменений населением в целом, а не только жителями нескольких крупнейших российских мегаполисов, относится к числу жизненно важных тем отечественного научного дискурса.

Итак, актуальность темы данной работы подтверждается практически назревшей и теоретически обоснованной необходимостью выявления и осмысления с социологических позиций основных причин значительных социокультурных сдвигов в нашем бытии, в том числе потребностью понять тенденции и последствия социальных процессов, идущих в отдаленных российских провинциях.

К обстоятельствам, также актуализирующим тему можно отнести:

- Важность отработки инструментария системного метаподхода к анализу социальных трансформаций современных обществ с учетом всей их специфики и сложности. Использование основных принципов общей теории систем (ОТС) обеспечивает понимание причинно-следственных связей между процессами, происходящими в мире в целом и в России в частности, и позволяет обнаружить взаимообусловленность

особенностей социального пространства (территории, провинции, страны) и менталитета ее обитателей, а соответственно, и их общих перспектив.

- Потребность в осмыслении ценностных оснований современного российского общества, выражающих базовый жизненный алгоритм системы. Они задают вектор развития и обеспечивают процесс самоорганизации и воспроизводства социокультурного пространства российской провинции.

- Необходимость расширения научных представлений о современной российской провинции, о структуре и специфике ее антропокультурного пространства, особенно в условиях ярко выраженной полиэтничности.

- Крайне острая востребованность системного анализа миграционной ситуации на периферийных территориях России, исследования ее особенностей в конкретных регионах РФ и степени воздействия на различные сферы общественных отношений, а также направленности и перспектив взаимодействия мигрантов и реципиентного населения полиэтничных российских провинций.

Степень научной исследованности проблемы. Анализ места, роли и перспектив населения полиэтничных провинций в сегодняшних российских трансформациях представлен в современной гуманитарной науке недостаточно. Это объясняется и сложностью предмета исследования, и сменой научных парадигм в нашей стране. Расширение познавательных горизонтов экономического детерминизма (преобладавшего в советский период) многочисленными западными концепциями принесло заметное приращение научного знания, но, преимущественно, в понимании макросоциальных процессов, оставляя частные аспекты социальных изменений в российском обществе без должного внимания.

Сегодня в отечественной науке складывается противоречивая ситуация в изучении общества, его структуры, институтов и процессов, в каком бы контексте это соотношение ни рассматривалось. С одной стороны, изучая региональные особенности социальных трансформаций, исследователи редко принимают во внимание влияние на них глобальных цивилизационных процессов. С другой, россияне с их особой ментальностью, как свидетели и участники цивилизационных процессов, порой «выпадают» из поля зрения авторов, исследующих социумы, цивилизации и культуры в макромасштабе.

Данная работа строится на синтезе системного и социологического подходов, что и определяет логику анализа научной литературы по изучаемой проблеме. Так, выводы автора о специфичности российской социокультурной системы, механизмах и этапах ее эволюции, базируются на представлениях об основных принципах общей теории систем, отраженных в работах М.Б. Алексеева, Л. фон Берталанфи, А.А. Богданова, В.П. Бранского, И. Валлерстайна, В.В. Василькова, А.А. Давыдова, В.В. Исаева, В.А. Карташова, Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, Э. Ласло, Н. Лумана, М.

Месаровича, В.П. Милованова,
В.И. Мухина

,
А.М. Немчинова,
И.Р. Пригожина, В.Н. Спицнадель, Р. Эшби и др.

[\[1\]](#)

Исследование взаимосвязи локального и глобального в российском социуме, потребовало анализа трактовок социальных процессов в контексте понятия «цивилизация», представленных в теориях близких к позициям системного подхода: Е. Амелиной, Д. Белла, П. Берега, Л.С. Васильева, Н.Я. Данилевского, Г.Г. Дилигенского, Б.С. Ерасова, Н.И. Лапина, Э.В. Сайко, А.С. Панарина, А.Тойнби, Э. Тоффлера, С. Хантингтона, О.Шпенглера [\[2\]](#) и др.

При рассмотрении таких важнейших составляющих социальных процессов как менталитет, культура и ценностные приоритеты, трактовка диссертантом понятия «культура», контекстная задачам исследования, основывается на изучении фундаментальных работ ряда отечественных и зарубежных авторов. Наиболее продуктивными для данной диссертации стали идеи С. Бенхабиб, Д. С. Лихачева, Б. Малиновского, А.Г. Манакова, А.А. Пилипенко, И.Г. Яковенко и др. [\[3\]](#)

Проведенный анализ научной литературы позволил прийти к выводу, что при изучении масштабных социальных трансформаций, культурно-материалистический подход чрезмерно подчеркивает унифицированные закономерности развития, опуская специфику обществ. А недостатки культурно-исторической школы - в акцентуации на «замкнутости» разных социокультурных типов. В этой связи ориентация на принципы общей теории сложноорганизованных динамических систем при рассмотрении проблем современной российской цивилизации весьма перспективна. Она позволяет избежать односторонности приведенных выше методологических парадигм, расширяя эвристический потенциал гуманитарного знания при изучении обществ в фазе

межстадиальных цивилизационных переходов, цивилизационных разломов и прочих нестабильных состояний.

Рассмотрение цивилизационных и культурных параметров современного российского социума, привело к анализу ряда общесоциальных теорий, посвященных вопросам социальной структуры и динамики. Особое значение для раскрытия диссертационной проблематики имели теории Б. Андерсена, П. Бурдьё, Д. Бьюкенена, М. Вебера, С.Ю. Глазьева, Э. Дюркгейма, М. Кастельса, Р. Мертон, А.И. Неклесса, Т. Парсонса, П.А. Сорокина, Л. Туроу, Ф. Фукуямы, Э. Хобсбаума, А.С. Хотцея. [4]

В свете идей вышеназванных авторов, диссертационное исследование было сфокусировано на анализе проблематике социально-экономических и идейно-культурных трансформаций современного российского общества. Данный блок работ отличается не только объемом, но и многоплановостью. В связи с этим его можно разделить на тематические подгруппы.

Например, наиболее продуктивными для настоящей работы стали идеи О.А. Арина, А.С. Ахиезера, А.С. Белоусова, Е.В. Беляева, Л.А. Беляевой, М.К. Горшкова, М.С. Ельчанинова, Т.И. Заславской, А.Г. Здравомыслова, Н.Л. Захарова, В.В. Ильина, Н.И. Лапина, Ю.А. Левады, К.И. Микульского, Л.В. Милова, А.И. Уткина, А.В. Фадына, В.С. Хорос, В.А. Ядова и др. [5]

Не менее интересна и серьезная аналитика российских преобразований и мироощущения представителей различных социальных групп предлагаемая В.Э. Бойковым, Л.А. Гегель, О. И. Генисаретским, Л.А. Гордоном, Е.Н. Даниловой, Добрыниной В.И., М.А. Калашниковым, С. Г. Кара-Мурзой, Э.В. Клоповым, Т.Н. Кухтевич, В. Лисичкиным, Г.И. Осадчей, А.С. Панариным, В.П. Пугачевым, Г.А. Сингатуллиной, Е.П. Тавокиным, С.В. Тумановым, Б.Ф. Усмановым, И.Р. Шафаревичем, Л. Шелепиным [6] и др. Их выводы заставляют задуматься над оправданностью чрезмерного прозападного реформирования нашей страны, над важностью сохранения этнокультурной идентичности России и объединяющей ее национальной идеи. Различные аспекты данной тематики обстоятельно рассматривались еще в фундаментальных исследованиях видных российских мыслителей прошлого - Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Л.Н. Гумилева, И.А. Ильина, Л.П. Карсавина, В.В. Розанова, Н. Сорского, С.Н. Трубецкого, П.А. Флоренского.

[7]

Современный масштабный анализ социокультурной специфики России, особенностей национального характера ее носителей и динамики ценностно-мотивационного комплекса российского общества изложен в работах П.Е. Астафьева, В.С. Барулина, С.Ю. Барсуковой, О.А. Бороноева, С.И. Валянского, Н.Я. Веретенникова, В.В. Гаврилюк, С.В. Гриневой, А.В. Гудзенко, С.П. Заикина, М.С. Каган, Д.В. Калюжного, Д.С. Клементьева, А.П. Маркова, И.В. Мостовой, П.И. Смирнова, А.П. Скорика и др. [\[8\]](#)

Определенное значение для данной работы имела критика теорий мотивации А. Маслоу и Р. Инглехарта [\[9\]](#) в приложении к российской социокультурной традиции.

Также на формирование авторской позиции оказали влияние идеи Н.О. Лосского, Э. Фромма, М. Шелера [\[10\]](#) и прикладные исследования различных аспектов ценностного бытия россиян Г. Еремичевой, В. Козырькова [\[11\]](#) и др.

Значимая группа проанализированных исследований посвящена вопросам стратификации российского общества в его транзитивной фазе. Это работы О.А. Александровой, Л.А. Беляевой, З.И. Голенковой, Е.Д. Игитханяна, В.М. Ильина, Е.Н. Данилова, Т.Р. Калимуллина, В.В. Радаева, Д.Е. Рыбалова, Р.В. Рывкиной, О.К. Степановой, Н.Е. Тихоновой, Е.А. Хахулиной, А.Р. Шакировой, О.И. Шкаратана [\[12\]](#) и др.

Спектр серьезных социологических работ по проблемам социокультурных изменений в современной российской провинции невелик. Но ряд исследований может служить источником определенных представлений о специфике формирования социальных институтов и интенсивности процессов социальной дифференциации в отдаленных российских провинциях, об особенностях менталитета, ценностных ориентациях и социокультурных ожиданиях жителей сегодняшней российской глубинки, о сложных социально-экономических и этнокультурных проблемах последних лет. [\[13\]](#)

В 90-х годах XX века появился интерес к изучению особенностей российской провинции как феномена, что привело к формированию серьезного научно-исследовательского поля, но, преимущественно, историко-культурологического характера. Позже появляются и методологические аспекты изучения российской провинции в работах С.И. Барзилова, В.В. Берус, Е.Я. Бурлиной, В.Р. Веселова, А.А. Данилова, Т.В. Злотниковой, Г. Люхтерхандт, В.С. Казарина, В.А. Кудинова, А. Кузьмина, О.Ю. Мамедова, В.С. Меметова, Н.А. Мешковой, О. Ю. Олейник, О.В. Ромах, Г. Рыженкова, Е.А. Сайко, Л.И. Сизенцевой, В.Л. Соскина и др. [\[14\]](#) Российская провинция рассматривается этими

авторами как многоаспектное социокультурное явление, включая оппозицию «провинция - столица».

Необходимо, также, отметить значимость исследований, посвященных вопросам миграции, анализу основных параметров миграционных процессов, выявлению их региональных особенностей, разработке классификационных факторов миграции и выявлению их влияния на различные группы населения в российской провинции. [15] В данных исследованиях представлено понимание причин миграции, сведены в систему виды территориальных перемещений, выявлены соподчиненные характеристики миграций и определены поведенческие параметры перемещающихся людей, а также предложены основные подходы к разработке региональной миграционной политики [16]

Помимо анализа аксиологических и миграционных проблем, влияющих на социальные процессы в российской глубинке, не меньший исследовательский интерес вызывает осмысление понятия «полиэтничность», применительно к российским южным провинциям, а также исследование взаимосвязи миграций, этнического самосознания и структуризации социума в субъектах РФ. Эта проблематика отражена в работах В.А. Авксентьевой, Н.В. Зубаревич, А.В. Мозговой, К.Х. Молдобаева, Э. Паина, А.П. Садохина, М.В. Саввы, М.М. Соколова, Г.У. Солдатовой, Т.Г. Стефаненко, В.А. Тишкова, В.Ю. Хотинец, О.М. Цветкова, М.А. Ягьяевой. [17]

Таким образом, общий обзор научных исследований по диссертационной проблематике позволил сформировать целостное представление о степени ее изученности и выявить слабо освещенные вопросы. Анализ приведенных выше работ показал, что большинство названных авторов рассматривают трансформации в российском обществе либо слишком широко и абстрагировано, либо углубляясь в узкую, конкретную тематику, слабо используя масштабные эвристические возможности системного подхода. Все это позволяет нам выделить отличающиеся научной новизной аспекты исследования и сформулировать цель работы.

Цель исследования – выявить наиболее важные характеристики и направленность социокультурных изменений в современной российской полиэтнической провинции.

Для достижения поставленной цели предполагается решение ряда исследовательских **3**

адач

, объединенных в 4 блока:

Первый блок задач исследует методологические подходы к рассмотрению особенностей транзитивного российского общества в целом. Это предполагает:

1.1. осмысление социально-философских обоснований применения общей теории систем к анализу современных трансформаций на всей территории России;

1.2. анализ социально - философских подходов к пониманию специфики социокультурного ресурса России в условиях современного цивилизационного разлома;

Второй блок задач, посвящен социокультурному анализу эволюции базовых ценностей россиян, в ситуации сверхактивных трансформационных процессов, что предусматривает:

2.1. рассмотрение культуры как смыслообразующего ядра российского общества и ментальности населения.

2.2. выявление специфики ценностных оснований современного российского общества, как самоорганизующейся системы;

Третий блок задач реализует социологический анализ региональной специфики социокультурных процессов современной российской полиэтнической провинции. В связи с чем, потребовалось:

3.1. обозначить социологическое содержание понятия «провинция» применительно к современным российским реалиям;

3.2. рассмотреть соотношение «провинция – столица» как антитезу, теоретически осмыслить проблемы взаимосвязи Центра – Периферии;

3.3. обосновать статус российской провинции, как особого социокультурного пространства, охарактеризовать феномен провинциального мировосприятия.

3.4. выявить специфику понятия «полиэтничность» в применении к отдаленной южнороссийской провинции в условиях современных социокультурных трансформаций;

3.5. определить ценностные ориентации активных слоев населения в полиэтнической провинции и взаимосвязь их социокультурных перспектив с миграционной ситуацией.

И четвертый блок задач раскрывает динамику миграционной ситуации, влияющей на общее состояние социально-экономических, политических и культурных процессов в современной южнороссийской полиэтнической провинции (на примере Астраханской области). Для этого было необходимо:

4.1. выделить понятие этнической идентификации в условиях социокультурной специфики современной российской многонациональной провинции;

4.2. охарактеризовать демографическую ситуацию в южнороссийских провинциях, обозначив ее связь с активными миграционными потоками;

4.3. определить возможные перспективы социально-экономических, политических и культурных изменений в современных южнороссийских полиэтнических провинциях, обусловленных слабоконтролируемым миграционным давлением, активной исламизацией и размыванием исторически сложившейся этнической палитры.

Постановка цели и задач исследования позволяет сформулировать основную **гипотезу** работы: Современная южнороссийская полиэтническая провинция - есть системное

образование, отражающее основной алгоритм существования российского социума, претерпевающее в последнее время значительные социокультурные изменения, трансформирующие ее исторический облик. Специфика изменений обусловлена: неадаптированными прозападными модернизациями и экономическими трудностями с одной стороны, и депопуляцией славянского населения, миграционным прессингом и активной исламизацией, с другой.

Объект исследования – российская провинция, как часть национального социокультурного пространства России.

Предмет исследования – характеристики и направления социокультурных изменений в социальном пространстве и менталитете населения российской полиэтнической провинции.

Теоретическая и методологическая база исследования. Методологические и теоретические основания данной работы определяются многоаспектностью и слабой разработанностью с социологических позиций темы особенностей современной российской провинции.

Принципиальное значение для исследования специфики и перспектив развития провинциального российского социума имеет системный подход, формирующий основную методологическую идею работы о матричной целостности, системном характере и алгоритмичности обществ.

Автор понимает современную российскую провинцию, как открытую развивающуюся систему, с ярко выраженной специфической структурой, обеспечивающей ей стабильность существования. Основные принципы теории развития сложноорганизованных динамических систем являются базовыми в данной работе.

Исследование активных трансформаций, идущих сегодня, в провинции потребовало применения и структурно-функционального анализа специфики отдельных ее элементов. Провинциальная субкультура - это часть общероссийского социально-исторического пространства и применение принципов интегративного подхода, обеспечивает целостность исследования.

Для сопоставления явлений и процессов в российской провинции последних двух десятилетий применялся сравнительный метод, способствовавший рассмотрению бинарной оппозиции «центр – периферия». Он же позволил выделить особенности полиэтнической российской провинции на общем социокультурном российском фоне.

Специфика работы обусловила также применение исторического, логического методов исследования, метода многофакторности и дополнительности. Кроме того, использовались и конкретно-социологические методы: анкетирование, анализ статистических данных, вторичный социологический анализ, метод социальной самоидентификации, метод включенного наблюдения, интервьюирования, экспертных оценок.

На основе синтеза социологической, философской, историко-географической, экономической информации и оценки современного состояния российской полиэтнической провинции были получены важные выводы данного исследования. Опираясь на указанные методы, диссертант определил сущность социокультурных трансформаций в современной России в целом и выделил вызванные ими изменения в социальном пространстве отдаленной российской провинции в частности.

Диссертация опирается на фундаментальные труды отечественных и зарубежных исследователей социальных изменений, представляющих социологическое, философское, культурологическое знание.

Применительно к поставленной проблематике работы, были осмыслены и результаты ряда эмпирических исследований, проведенных при непосредственном участии автора или под его руководством.

Эмпирическая база исследования. Для аргументации положений и выводов диссертации использовались результаты социологических исследований, проведенных лично автором работы в динамике с 2001 по 2006 годы в г. Астрахани и Астраханской области.

1. Социологическое исследование в рамках проекта «Общество, власть, бизнес: межсекторный диалог». – Астрахань. Мониторинговые срезы с октября 2001 по май 2004. (всего N = 1200 респондентов). /Исследовательская проектная инициатива. Выполнена при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса). Россия. Грант № С TD 101. в соавторстве с к.п.н. А.В. Васильевым и М.А. Зайцевой. /

2. Социологическое исследование «Социальная стратификация в г. Астрахани». – Астрахань, май 2003. (N = 750 респондентов) /Исследовательская проектная инициатива. Выполнена при поддержке факультета Межкультурных коммуникаций Астраханского филиала Южнороссийского гуманитарного института. Руководитель проекта к.с.н. Ю.С. Фролова/.

3. Социологическое исследование «Электоральные предпочтения представителей различных социальных слоев Астраханского региона». – Астрахань и Астраханская область /выборочно/. Мониторинговые срезы с июня 2004 – по октябрь 2004. (N = 1200 респондентов.). /Заказчик: Администрация Астраханской области. Комитет по связям с общественностью. Исполнитель: к.с.н. Ю.С. Фролова. Договор на создание (передачу) научно-технической продукции № ТС - 217./

4. Социологическое исследование «Мониторинг социально-политических и экономических проблем г. Астрахани» – Астрахань, май 2005. (N = 500 респондентов). /Заказчик: Администрация г. Астрахани в лице мэра г. Астрахани С.А. Боженова. Исполнитель: к.с.н. Ю.С. Фролова. Договор на создание (передачу) научно-технической продукции № ТС - 84./

5. Социологическое исследование «Региональные органы власти и общественное мнение». - Астрахань, апрель 2006. (N = 500 респондентов). /Исследовательская проектная инициатива. Выполнена при поддержке кафедры Гуманитарных дисциплин Астраханского филиала Московского открытого социального университета. Руководитель проекта к.с.н. Ю.С. Фролова./

6. Социологическое исследование «Анализ религиозной ситуации в Астраханской области: конфессиональная карта». – Астрахань, сентябрь 2006 (N = 550 респондентов). /Заказчик: Управление по связям с общественностью Администрации г. Астрахани. Куратор проекта: д.с.н., профессор Л.А. Гегель. Исполнитель к.с.н. Ю.С.

Фролова. Договор на создание (передачу) научно-технической продукции № ТС -142./

Материалы большинства отчетов по исследованиям представлены в монографии Ю.С. Фролова. Типология личности в современной российской полиэтнической провинции. - М.: Изд-во МОРУ, 2005.

Диссертация также опирается на вторичный анализ многочисленных социологических исследований ведущих отечественных социологов, осуществленных в разное время и в иных регионах. Кроме того, эмпирическую базу диссертации составили законодательные и нормативные акты, другие документы (включая аналитические отчеты) органов государственной власти Российской Федерации, официальные статистические данные об экономическом и демографическом состоянии российской периферии, о миграционных потоках на территории страны.

В процессе исследования использовались данные отечественной и зарубежной периодики, материалы российских и международных научных конференций, семинаров, «круглых столов», конгрессов. Ценные данные были почерпнуты автором методом включенного наблюдения в исследуемую ситуацию и из интервью с жителями полиэтнической провинции (как с реципиентным населением, так и с мигрантами). Данные, экспертных опросов, проводимых Администрацией Астраханской области в 2006 году, также были частично включены в диссертационную эмпирику.

Новизна результатов исследования:

1. Доказана высокая степень научной продуктивности применения основных принципов общей теории функционирования сложноорганизованных динамических систем при изучении современных социальных явлений и процессов, в частности при рассмотрении российских трансформаций последних лет. Выявлены системность и алгоритмичность наблюдаемых изменений. Показано, что они не являются лишь российской проблемой, а представляют собой частное проявление глобальной трансформационной активности современных социальных систем, обусловленной очередным этапом их общей социокультурной эволюции. Отмечено, что системная познавательная парадигма открывает новые возможности для глубинного анализа социальных процессов, идущих как в центре, так и на периферии современного российского общества.

2. Выявлена способность социокультурных систем менять формы своего воплощения (цивилизационные модальности), при условии сохранения основного вектора системного алгоритма, отражающего базовые ценностные и организационные характеристики системы, тип ее взаимодействия со средой и внутреннего структурирования. Выделены основные типы социокультурных систем: моноцентрированные и полицентрированные. Например, социум может оставаться иерархически упорядоченной системой с моноцентрированным управлением в разных исторических условиях: Российская Империя – СССР – Российская Федерация. В работе доказано, что переформатирование (размывание) ценностных и организационных характеристик, исторически заданных основным алгоритмом жизнедеятельности системы и закрепленных в национальном менталитете (выраженных в культуре), ведет к тотальному уничтожению системы. Подчеркнута значимость евразийской специфики социокультурного опыта россиян для дальнейшего развития страны.

3. Уточнено социологическое понимание современной российской провинции не только как части всей социокультурной системы общества, но и как ее основы (базового тела системы). Сформулировано положение о двойственности российской провинции, являющейся по форме экономико-географическим, а по сути социокультурным феноменом. В работе показано, что специфические характеристики социокультурного пространства современной российской провинции, отражены в менталитете и образе жизни ее обитателей, в их ценностных приоритетах, выстраиваемых в соответствии с традиционным алгоритмом жизнедеятельности иерархически упорядоченной системы. Этим обстоятельством, по мнению диссертанта, объясняется отторжение большинством населения российских периферийных территорий, активно насаждаемого в реформационные десятилетия этического и организационного комплекса плюралистических социокультурных систем с полицентрированной формой управления (жизненного алгоритма западных демократий). В диссертации аргументирована стабилизирующая роль бинарной оппозиции «Центр – Периферия» для российской социокультурной системы. Выделен феномен ресентимента («философии негатива и грязи») в сознании россиян, как результата дискредитации традиционной ценностной шкалы в реформационный период.

4. Выявлена полиэтническая специфика современной южнороссийской провинции (на примере Астраханской области). Показано, что многонациональность и поликонфессиональность социокультурного пространства данного региона обусловлены исторически в определенной устоявшейся евразийской пропорции, не вызывающей серьезного межэтнического напряжения. Нарушение ее, вследствие активной депопуляции славянского населения, дискредитации традиционных ценностей и миграционного кавказско-азиатского прессинга последних лет, по мнению автора, грозит серьезными проблемами региону. Анализ эмпирических данных свидетельствует о высоком уровне религиозной терпимости в Астраханской области, существующем в настоящий момент. Объяснение данному факту видится в тенденции формирования

средних слоев региона, для которых социально-экономические интересы приоритетнее этноконфессиональных, что подтверждается социологическими исследованиями, проведенными автором в Астраханской области. Кроме того, в работе впервые представлен анализ региональных эмпирических данных по ряду социокультурных параметров, как отдельно средних слоев, так и населения в целом. Это данные по стратификационной самоидентификации, степени доверия органам местной власти, ценностной шкале, коммуникативной приоритетности, уровне образования, религиозности, религиозной терпимости и т.д.

В итоге, в диссертации доказано, что мультиэтнический и мультикультурный средний слой и отчасти сохраняющаяся традиционная этническая палитра региона, пока способствуют динамической стабильности социально-политических и социокультурных процессов в исследуемом субъекте федерации. В тоже время, впервые научно обоснованы причины для серьезной озабоченности перспективами стабильного существования и (в отдаленном будущем) подконтрольности южнороссийских полиэтнических провинций Федеральному центру. Данные опасения мотивированы депопуляцией и культурной дезорганизацией славянского населения, растущей доминанцией тюркско-мусульманских этносов, и, как следствие, выведением южнороссийских провинций в зону цивилизационного разлома Запад-Восток (христианский – мусульманский мир), а также внешним геополитическим давлением стран-соседей, заинтересованных в ресурсах южных российских территорий.

5. Раскрыта проблема значимости этнической идентификации для современного российского социума, в частности для многонациональных южных провинций. Показано, что именно культурный консерватизм этничности, становится нишей, где человек может укрыться от чрезвычайной социально-политической динамики, найдя в этноидентичности определенную психологическую опору. В то же время, акцентируется внимание на том, что ни одно полиэтническое общество не может существовать без общепринятых надэтнических ценностей, отвечающих требованиям главного общесистемного алгоритма. В связи с чем, выдвигается идея о важности сохранения евразийского социокультурного баланса иерархически упорядоченной моноцентрированной системы в многонациональных южных провинциях России.

Также охарактеризована специфика этнических идентификаций за последнее десятилетие в ЮФО в целом (и в Астраханской области в частности), тесно связанная с колоссальным миграционным притоком и транзитом на данных территориях. Впервые представлен и проанализирован статистический материал, отражающий деформации этнического поля региона, обусловленные миграционными процессами, исламизацией и депопуляцией реципиентного населения.

6. Обосновано принципиальное положение о том, что этнополитические и социокультурные проблемы многонациональных российских провинций, являющихся законной территорией Российской Федерации, не могут быть решены силами только региональных властей. Федеральный центр не должен оставлять без внимания, отражающиеся в сознании всего российского населения процессы. Их игнорирование или табуирование ведет к непредсказуемому развитию событий на южных рубежах России, перспектива миграционно-демографического передела которых реально просматривается уже сегодня. В работе впервые акцентируется внимание на том, что предпринимаемые меры федерального правительства должны быть ориентированы не только на экономические или политические мероприятия в названных регионах, но и на защиту прав и свобод реципиентного населения (русскоязычного и других коренных этносов) порубежных российских территорий.

7. Выдвинута идея об ориентации развития России на потенциал, представленный человеческим капиталом страны с его уникальной евразийской ментальностью и культурно-историческим основанием. Поскольку подавляющее большинство населения страны – это жители многочисленных российских провинций, то данное обстоятельство предполагает переосмысление значимости понятия провинция в рамках социологического знания и имеющегося отношения к социально-историческому и антропокультурному наследию на основе принципов существования моноцентрированной иерархически упорядоченной системы.

Теоретическая и практическая значимость данного исследования:

Теоретическая ценность работы заключается в акцентуации возрастающей стабилизационной значимости потенциала российской полиэтнической провинции в современных трансформационных процессах.

Практическая значимость диссертации в том, что ее материалы и выводы представляют интерес как для специалистов при чтении нормативных и специальных курсов по социологии, социальной философии, так и для широкой аудитории.

Методологические принципы, разработанные автором, могут быть использованы при изучении различных аспектов изменений российского социума в условиях

транзитивности, а также при анализе трансформаций ценностных ориентаций и моделей поведения населения в российской провинции в период социальной нестабильности.

Основные положения исследования неоднократно докладывались автором на международных, общероссийских и региональных научных конференциях, вызывая позитивный интерес участников. В частности: на III Всероссийском социологическом конгрессе «Глобализация и социальные изменения в современной России» (Москва, 2006); на международных научно-практических конференциях: «Актуальные проблемы социально-экономического развития России» (Сочи, январь 2007); «Девияция и делинквентность: социальный контроль» (Нижний Новгород, 2006); «Социально-экономические проблемы переходного периода» (Уфа, 2006); «Этнопсихологические и социокультурные процессы в современном обществе» (Балашов, 2005); «Организация в фокусе социальных исследований» (Нижний Новгород, 2005); «Сорокинские чтения 2004. Российское общество и вызовы глобализации» (Москва, 2004); «Россия и Восток. Феномен сознания: интегральное видение» (Астрахань, 2004); «Специфика ментального сознания и поведения молодежи Северного Кавказа» (Астрахань, 2004); «Экстремальное поведение» (Санкт-Петербург, 2004); «Россия и регион: политико-правовые и гуманитарные проблемы» (Астрахань, 2003); «Образование. Экономика. Экология. Информатика» (Астрахань, 2003); «Геополитика и прикаспийский регион: взгляд в XX век» (Астрахань, 2002); «Единый Каспий: межгосударственное сотрудничество и проблемы экономического и социального развития региона» (Астрахань, 2002); «Человек в современных философских концепциях» (Волгоград, 2000) и др. Некоторые положения результаты данного диссертационного исследования использовались автором при чтении лекционного курса по дисциплине «Исследование социально-экономических и политических процессов» в Астраханском филиале Волгоградской академии государственной службы, а также по дисциплинам «Социология» и «Конфликтология» в Астраханском филиале Московского открытого социального университета.

Выводы диссертационного исследования могут быть положены в основу разработки социокультурных программ развития современной полиэтнической российской провинции в условиях транзитивного состояния общества.

Апробация: По материалам исследования были опубликованы две научные монографии: Фролова Ю.С. Социокультурные процессы в России: системный подход. – М.: Изд-во МОСУ, 2004; Фролова Ю.С. Типология личности в современной российской полиэтнической провинции. – Астрахань, изд-во АФ МОСУ, 2005. А также ряд статей в

коллективных научных монографиях [18] и серия научных публикаций в центральных российских научных периодических изданиях: «Альма-матер», «Социологические исследования», «Высшее образование в России», «Астраполис», «Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сборник научных трудов МПГУ» и других общим объемом более сорока печатных листов.

Диссертация обсуждена на кафедре социологии управления факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова и рекомендована к защите. Оглавление диссертации выглядит следующим образом:

Содержание

Введение 3

**Глава I. Теоретико-методологические подходы к исследованию современного
русского общества** 38

1.1. Принципы построения и функционирования сложноорганизованных динамических систем 44

1.2. Системный анализ социокультурного ресурса России 63

1.3. Системные трансформации современного русского общества 77

Глава II. Социетальная поливариантность трансформирующейся

России	
87	

2.1. Трансистоические структуры и самоорганизация российского периферийного социума	88
---	----

2.2. Культура – смыслообразующее ядро российского общества	103
--	-----

2.3. Ценностные основания современного российского общества	133
---	-----

Глава III. Современная российская провинция в контексте общесистемных изменений	
....	167

3.1. Провинция как социокультурное пространство реализации общесистемного алгоритма	168
---	-----

3.2. Специфика общекультурного пространства в полиэтнической провинции	193
--	-----

3.3. Социокультурные особенности средних слоев населения современной российской провинции	224
---	-----

Глава IV. Этнокультурная специфика и миграционные потоки на юге России:

Взаимосвязь явлений и социальная динамика	
..... 254	

4.1. Проблема этнической идентификации в социокультурной системе современной России	254
---	-----

4.2. Влияние миграционной ситуации на социокультурные, экономические и демографические перспективы южнороссийской провинции	266
---	-----

4.3. Системный анализ особенностей миграционной ситуации в современной южнороссийской полиэтнической провинции	275
--	-----

Заключение	293
-------------------------	-----

Список использованной литературы	301
---	-----

Приложения	317
-------------------------	-----

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Синтез основных положений ОТС и социокультурного подхода - перспективное научное направление, трактующее общество как самоорганизующуюся систему, адаптивную к ресурсному потенциалу среды. Ограниченность ресурсов мотивирует систему к поиску нового режима (модальности) существования, отвечающего потребностям базового системного алгоритма. Алгоритм - единый способ действий (мышления), элементов системы (индивидов, групп), обеспечивающий их ожидаемое поведение и формирующийся на базе общих критериев оценки действительности. Воплощаясь в ценностной шкале, он ограничивает отступления от оптимального для системы стереотипа деятельности. Алгоритм задается комплексом внешних и

внутренних факторов: типом взаимодействия со средой (ресурсно-природный фактор) и типом внутрисистемных связей (организационный фактор).

Поле реализации базового системного алгоритма - все социокультурное пространство социума. Однако на периферии (в провинции), степень приверженности к привычному типу жизнедеятельности выше, по причине сниженного (по сравнению с центром) социально-экономического, политического, информационного и культурного взаимодействия с системами иного типа. Подсистема управления контролирует соблюдение базового алгоритма в двух формах: моноцентрированной (иерархической) и полицентрированной (плюралистической). В первой все подсистемы подчинены центру и дифференцированы по степени доступа к ресурсам и защищенности. В полисистеме нет центра-доминатора, все элементы равнодопущены к ресурсопотреблению и защищены. Обе системные формы существования обоснованны и ценны. В полицентрированных системах складывается индивидуалистическое мировоззрение, так как единица данной системы – инициативный субъект. В иерархических системах превалирует коллективное мировосприятие, поскольку иерархия возможна лишь в группе. Социокультурные системы реализуются через локальные цивилизационные модальности. Исчерпывая ресурс одной модальности, система переходит в другой динамический режим (новую модальность), соответствующий потребностям ее основного алгоритма жизнедеятельности на новом уровне. Изменение формы управления в любой системе и перевод ее к цивилизационной модальности иного типа, не соответствующей требованиям системного алгоритма, ведет к распаду ее основного алгоритма выживания и к коллапсу всей системы.

Таким образом, методологический подход, построенный на синтезе системных и социокультурных исследовательских позиций, существенно обогащает современное общественное знание. Раскрывая сущность нелинейных процессов в сложноорганизованных социальных системах, генную обусловленность формы управления того или иного типа системы и значимость ее ценностно-культурного ядра, соответствующего базовому алгоритму выживания, он позволяет аргументировать идею о невозможности смены исторически сложившейся формы управления в системе без разрушения основного принципа существования самой системы.

2. Синтез системного и социокультурного подходов дает возможность глубже исследовать трансформационные процессы современной России, учитывая при этом метасистемные тенденции глобальных цивилизационных циклов. Мировая цивилизация (метасистема) подразумевает баланс систем различного типа. Поиск новых цивилизационных модусов сразу несколькими системами разного типа означает фазовый переход метасистемы к следующему эволюционному этапу. Такие «смены эпох» - это периоды цивилизационных разломов и столкновения культур, сопровождающиеся

деформациями сложившихся системных алгоритмов, сломом ценностно-нормативных моделей людей, продолжительными реформациями и хаотизацией социумов. В этом контексте современные российские трансформации – есть локальное проявление глобального фазового перехода. Однако положение России критичнее, поскольку она, как социокультурный феномен, формировалась на пространстве основного цивилизационного разлома современности «Восток – Запад», вобрав в свое масштабное социальное «тело» все его противоречия.

В условиях фазового перехода сильные системы, стремятся превратить крупные социокультурные образования иного типа в часть своей ресурсной среды, сырьевые придатки (глобальная вестернизация). Однако построение однополярной метасистемы противоречит диалектическим принципам системной эволюции, провоцируя осложнения в фазовом переходе.

В этих условиях для России опора на собственный антропосоциокультурный потенциал и исторически сформировавшийся системный алгоритм выживания в условиях непростой ресурсной среды - путь выхода из критического состояния. Однако сегодня большая часть россиян (жителей провинции) ментально находятся вне процесса малопонятной им модернизации, что, конечно, нельзя игнорировать.

3. Перестройка системы с целью оптимизации доступа к ресурсам в период реформ проводилась по методике ориентированной на выстраивание полицентрированного социума, что противоречило исторически сложившимся принципам жизнедеятельности социокультурного пространства моноцентрированной иерархической системы. Ослабление роли центра привело к активизации периферийных подсистем (регионов), а превращение соподчиненных подсистем в партнеров делало иерархическую систему горизонтальной по форме, дезорганизуя население и разрушая основной принцип ее существования. В соответствии с идеей «догоняющего развития» игнорировался факт принципиально иного устройства российского общества. Однако за годы реформ концепции «единых правил развития» для всех обществ и «рынка как универсального регулятора социальной структуры и процессов» на российских просторах себя дискредитировали. Стало очевидно, что нет смысла переделывать одну систему под параметры другой, если базовые принципы их строения различны.

Факты, воспринимаемые прозападными реформаторами как признаки необратимого кризиса системы, были лишь показателями высокого уровня сопротивления всех подсистем российского общества насильственному переформатированию. Большинство жителей обширных российских территорий в итоге оказалось не активным участником

объявленной модернизации, а жертвой инокультурного прессинга. Лишь незначительная часть населения, аккумулированная в столице и нескольких крупнейших российских мегаполисах, активно включилась в трансформационные процессы, приняв индивидуалистическую ценностную шкалу плюралистических систем. В целом же среднестатистический житель российской провинции, демонстрируя высокую степень отчуждения и невероятный социально-политический абсентеизм, старается укрыться от чрезвычайной социальной динамики в узком пространстве повседневных проблем, связанных с элементарным выживанием.

4. Системные трансформации последних лет существования СССР и постсоветского десятилетия размывали базовые жизненные параметры, позитивно воспринимаемые социальные стандарты и привычные алгоритмы деятельности. Но невероятный экономический спад, деградация социальной сферы, рост внешней задолжности и другие показатели общего кризиса социалистической системной модальности не сразу были осмыслены большинством населения. Ощущение краха пришло с разрушением структур повседневности и приходом незнакомых ранее феноменов рыночной оптимизации: невыплата заработной платы, безработица, коммерциализации социальных структур, включая здравоохранение и образование, регионального сепаратизма и локальных вооруженных конфликтов.

Однако базовый системный алгоритм не удалось уничтожить окончательно. Сегодня очевидно, что российская социокультурная система выжила и формирует новую цивилизационную модальность на всем своем обширном пространстве. В связи с чем, необходимо оценить и сохранить один из основных позитивных капиталов предыдущей эпохи – антропоресурс. Отрицательное влияние экономических, культурных, демографических и миграционных факторов может лишить Россию этого социального капитала, лишив и перспектив полноценного развития.

Российский антропоресурс сегодня – это в основном население периферийных территорий, провинций, обладающее специфическими демографическими показателями, ментальными характеристиками, социокультурными ориентирами, сформированными иерархической моноцентрированной системой.

5. В разных цивилизационных модальностях системы ценностные акценты могут меняться, но в целом должны соответствовать общей шкале, заданной основным системным алгоритмом. Этим объясняется устойчивость коммунального сознания в менталитете жителей российской провинции.

Этический строй плюралистической системы заметно отличается от ценностных идеалов системы моноцентрированной. Например, концепция моральных мотиваций А. Маслоу соответствует ценностным (протестантским) параметрам западных обществ, описанных М. Вебером. Однако она воспринимается как шкала антиценностей (грехов) православной культурой, где самоактуализация понимается не через поэтапное и методичное удовлетворение потребностей, а через их сдерживание и преодоление, где достижительные устремления трактуются как гордыня, а умножение богатства как грех стяжательства и сребролюбия.

Длительная модернизация, безусловно, повлияла на ценностные ориентиры россиян. Однако новые модели в большей степени ассимилируются жителями столицы и нескольких крупнейших городов. Большинство же населения российской провинции и сегодня не представляет себе понятных и приемлемых путей реализации инокультурных ценностей в окружающем их специфическом евразийском социопространстве.

«Раздвоенность» между привычными ценностными ориентирами коллективизма и новыми ценностями индивидуалистического плана, постепенно погружает россиян в состояние ресентимента («социокультурного нигилизма», «самоотравления души» - М. Шелер). Ресентимент, отрицая любую систему ценностей, делает социальное самоощущение доступным лишь через деструктивные акты. При длительном сохранении ресентиментальных установок у людей формируется ценностно фальсифицированное, маргинализированное мировосприятие. В ресентиментальный период ценности замещаются своеобразной «философией грязи». «Грязь» (деструкция) становится социокультурным индикатором, разлагающе действующим на общество.

За время реформационных катаклизмов, ощутив как плюсы, так и минусы индивидуалистического существования, почувствовав экзистенциальную заброшенность, россияне, живущие в провинции, охладели к позитивно воспринимаемым поначалу ценностям западных демократий. В связи с этим, аксиологические приоритеты основной массы населения, описав на рубеже XX – XXI вв. «дугу», возвращаются сегодня к консервативным, национально-державным ориентирам, что подтверждается результатами социологических исследований.

Однако размывание основ российской социальной системы продолжается. Усекновения науки и системы образования, манипуляции общественным сознанием, экономические трудности и т.п., продолжают снижать социокультурную значимость нашего населения,

грозят превратить жителей российской провинции в малочисленных, спивающихся, безграмотных маргиналов. В связи с этим, особенности социокультурных процессов в южнороссийских полиэтнических провинциях, требуют пристального внимания.

6. Российская провинция – специфическое социокультурное пространство. В мировосприятии ее жителей сильны этнокультурные традиции, соответствующие требованиям основного системного алгоритма. Даже в условиях жесточайшего социетального кризиса российская провинция продолжает жить, воспроизводя базовый алгоритм существования на всем социальном пространстве, несмотря на нарастающую вестернизацию центра и овосточивание периферии.

В современной России выделяют две провинции: «большую» (крупные города) и «малую» (небольшие городки, села). И та и другая фактически выполняют функции «сервера» по обслуживанию потребностей столицы: экономических, демографических, интеллектуальных.

Российская провинция значительно пострадала от реформационных ударов постсоветского периода, чем столица, обладая несравнимо меньшим спектром адаптационно-амортизационных стратегий в условиях кризиса. Между тем, 60 % населения страны – это жители отдаленных российских территорий, основной антропокультурный ресурс общества с особым мировоззрением, что нельзя не учитывать в процессе социального развития.

Говорить о деградации российской провинции сегодня нет оснований, хотя определенный культурный упадок виден. Однако в целом, российская периферия выжила. Ее население демонстрирует различные типы поведенческих стратегий, например, экстрапровинциальный и интрапровинциальный тип поведения. Они отличаются разнонаправленными векторами активности и ценностными ориентирами, что свидетельствует об ассимиляции некоторой частью провинциалов иносистемных моделей (хотя и сквозь призму своего социокультурного опыта и пространства). Кроме того, в российском социуме должно присутствовать напряжение между полюсами Центр – Периферия т.к. это обеспечивает реализацию основного алгоритма иерархической соподчиненности подсистем.

7. Модель относительно мирного сосуществования и взаимодействия этносов с разными ценностными системами наблюдается в некоторых южнороссийских полиэтнических

провинциях (например, в Астраханской области). Многие южные территории России исторически формировались как место компактного проживания значительного числа этносов, что отразилось на их современном социокультурном колорите.

Эмпирические исследования показали, достаточно высокий уровень этнорелигиозной терпимости в южнороссийских полиэтнических провинциях (в частности в Астраханской области), что крайне важно для сохранения мира в столь сложном регионе. Однако значительные миграционные потоки за последние 15-20 лет меняют исторически сложившийся этнический баланс в сторону превалирования горских народов Северного Кавказа - Закавказья и тюркских народов Средней Азии. Дальнейшее усиление этой тенденции и неконтролируемое увеличение числа мигрантов может привести к консолидации мусульманского населения и росту сепаратистских настроений, при ущемлении интересов и прав реципиентного славянско – христианского этнического компонента. В конечном счете, это чревато ослаблением влияния центра на данную периферийную зону, обладающую выгодным геополитическим и экономическим положением. Во избежание подобной перспективы важно содействовать сохранению явно выраженной евразийской специфики области законодательными методами и политикой обоснованного квотирования (по принципу потребности в трудовых ресурсах) на федеральном и областном уровнях.

8. Социальное пространство российской провинции сегодня поляризовано, хотя и не так сильно как столичное. Эмпирические исследования показывают тенденцию формирования специфического среднего слоя на периферии. Средний слой в южнороссийской провинции сегодня является отпечатком породившей его эпохи, он малочисленен, полиэтничен, экономически сегментирован и маргинален. Неравномерность развития центра и периферии в России обуславливает и дифференциацию средних слоев в названных полюсах, уровень дохода которых, образ жизни, образование и система потребительских практик заметно отличаются в пользу столичных. Удаленность от финансово-экономических центров, политический абсентеизм, слабая социальная инфраструктура и замедленность информационно-культурных процессов влияют на механизм, тип и темпы формирования поликультурного среднего слоя в российской провинции. И лишь системное рассмотрение стратификационных и социокультурных показателей существования современной российской периферии, может дать некоторое представление о ее сегодняшней специфической социальной структуре и перспективах.

9. Выделение надэтнических социально-экономических и культурных ценностей (соответствующих общесистемному алгоритму) без утраты этнической идентичности – сегодня актуальная проблема. Близкое к данной модели состояние наблюдается в некоторых южнороссийских провинциях (в частности в Астраханской области). Здесь

этнокультурная и религиозная терпимость позволяет многочисленным этногруппам относительно мирно уживаться на общей территории, формируя евразийскую систему ценностных ориентиров, общую инфраструктуру и экономическую взаимозависимость, дополняющиеся единым языком общения (государственным русским) и законодательством.

Этничность, минимально связанная с социальной динамикой, становится осью ориентации в кризисные периоды, приобретая и статус критерия стратификации, особенно на периферии. В ситуации нарастающей естественной убыли трудоспособного населения проблемы миграции и, как следствие, этнической идентификации и интеграции, становятся сверхактуальными. Имея положительные и отрицательные стороны, этническая и трудовая миграция порождает ряд сложностей, особенно в буферных российских провинциях, принимающих на себя основной удар миграционной волны. Улучшить демографическую ситуацию и решить проблему нехватки рабочих рук на юге России, сдерживая при этом активно идущий процесс исламизации, может только продуманная и согласованная миграционная политика федерального и регионального уровня.

10. Неконтролируемое изменение исторически сложившейся этнической палитры на южнороссийских территориях в пользу горских и тюркских этносов – опасная для целостности России тенденция. На протяжении веков российской истории в большинстве провинций, при наличии значительного числа разнообразных этносов, обычно доминировало, либо заметно уравновешивало этнопестроту славянское ядро. Оно же являлось проводником политики и государственной власти на периферии. Однако сегодня эта традиция активно размывается.

ЮФО в целом является одним из самых чувствительных к воздействию внешних и внутренних мигрантов на русскоязычное население. Кроме того, невысокие темпы экономического роста, узость рынка труда и брачно-семейных отношений в ситуации гендерного дисбаланса, заставляют людей искать другие места для жизни. Главным образом иммигрируют представители квалифицированного русскоязычного реципиентного населения южнороссийских провинций, экономически и социально активного возраста. Миграционный же поток в последние годы приносит в основном неквалифицированную рабочую силу, часто пополняющую криминогенную среду. Еще одна проблема южнороссийских провинций – диаспорность и большие семьи мигрантов, чьи культурно – религиозные установки на многодетность и ограничение социальной активности женщин (жен мигрантов-мусульман), не позволяют им пополнить численность активного трудоспособного населения. Однако они же создают дополнительную финансовую нагрузку на бюджет области в связи с необходимостью выплат социальных пособий на многочисленных детей (при официальной регистрации).

Все это провоцирует рост ксенофобии и этнофобии, что может привести к нарушению хрупкого баланса мирного сосуществования в многонациональных российских провинциях юга. Политика же замалчивания этой проблемы бесперспективна и опасна.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, рассматривается степень ее научной разработанности, определяются объект, предмет, цель, задачи и гипотеза работы, освещаются теоретико-методологические основы и эмпирическая база диссертации. Формулируется научная новизна и излагаются положения, выносимые на защиты. Помимо этого, во Введении содержится информация об эмпирических исследованиях, теоретической и практической значимости работы и ее апробации.

В первой главе «Теоретико-методологические подходы к исследованию современного российского общества» рассматриваются эвристические возможности применения основных принципов общей теории систем к анализу современных российских трансформаций. Системный подход обосновывается как дающий максимальные возможности для комплексного исследования глубинных причин социетального кризиса в России на рубеже XX – XXI

веков в целом и специфики трансформационных процессов провинциального российского социума в частности.

В первом параграфе «Принципы построения и функционирования сложноорганизованных динамических систем» в соответствии с общим контекстом исследования приводится краткое изложение основных принципов общей теории систем (ОТС), на основе которого формулируются базовые исследовательские тезисы работы. По мнению автора, сегодня наука не может ограничиваться лишь гуманитарной познавательной моделью при изучении общества. Необходимо привлечение плодотворных идей из других областей знания, в частности из общей теории систем, позволяющих повысить уровень теоретических и практических исследований сложных системных объектов, в том числе и социума.

В данном параграфе отмечается, что масштабные преобразования общественных отношений в России за последние десятилетия породили отчуждение между социальной практикой и привычным ценностным набором людей, что фиксируется

эмпирическими исследованиями. Опираясь на синтез основных положений ОТС и социокультурного подхода, автор видит причины подобной ситуации не только в сложностях адаптации к быстро меняющейся действительности или «неумелом» проведении реформ, но и в устойчивости системного алгоритма к инородным влияниям.

В параграфе показано, что в сложных системных образованиях (обществах), характеризующихся неупорядоченностью, неравновесностью и нелинейностью отношений, прямые причинно-следственные связи теряют актуальность, подтверждая эвристические преимущества системного подхода. Далее характеризуется его сущность, этапы формирования, рассматриваются ведущие тезисы основных представителей данного направления. Анализируются определения понятия «система», механизм ее самосохранения и типы связей подсистем.

Выделяется значимость базового системного алгоритма - общего способа действий (мышления), элементов системы (индивидов, групп), обеспечивающего их ожидаемое поведение и формирующегося на базе единых критериев оценки действительности. Он воплощается в ценностной шкале, ограничивая отступления от оптимального для системы стереотипа деятельности и детерминируется комплексом внешних и внутренних факторов. Системный алгоритм реализуется на всем социокультурном пространстве. Однако на периферии (в провинции), он проявлен ярче, поскольку провинция меньше центра подвержена иносистемным диффузиям.

Констатируется, что формы организации системы, гарантирующие соблюдение базового алгоритма (моноцентрированная и полицентрированная) принципиально отличаются. Каждая формирует свой тип мировоззрения: коммунальный или индивидуалистический. Изменить форму управления, сохранив жизненную программу алгоритма системы, невозможно. При насильственном изменении трансформируется тип взаимодействия системы со средой и ее ценностная база. Люди пытаются адаптироваться к новым условиям, но их этические привычки, трудовые стереотипы, менталитет, сложившиеся распределительные и потребительские модели оказываются непригодны. В итоге система распадается.

Таким образом, в рамках параграфа делается вывод, что любая социальная система (в том числе и российская) может быть классифицирована по критериям названных форм управления сложноорганизованных динамических систем. А методологический подход, объединяющий принципы системных и социокультурных исследований, раскрывает связь формы управления системы и ее ценностно-культурного ядра, соответствующих базовому алгоритму выживания. Это подтверждает тезис о невозможности смены

исторически сложившейся формы управления в системе без ее разрушения.

Во втором параграфе «Системный анализ социокультурного ресурса России» отмечается, что синтез системного и социокультурного подходов позволяет рассмотреть российские трансформации, учитывая тенденции глобальных цивилизационных циклов. Констатируется, что мировая цивилизация (метасистема) – предполагает баланс между системами различного типа, которые реализуются через локальные цивилизационные модальности. Исчерпывая ресурс существования той или иной модальности, социальная система может переходить в другой динамический режим (новую модальность), соответствующий потребностям ее алгоритма жизнедеятельности, воплощенного в общей ценностной шкале, объединяющем культурном ядре, позволяющим элементам системы взаимодействовать в любых условиях. В контексте сказанного в параграфе рассматриваются современные трактовки понятия цивилизация и культура. Переход к цивилизационной модальности, не отвечающей требованиям системного алгоритма, ведет к сбою жизнедеятельности системы.

В параграфе, обосновывается идея о том, что одновременный поиск новых цивилизационных модусов несколькими системами разного типа означает очередной эволюционный виток метасистемы, фазовый переход к следующему этапу всеобщей истории. Такие «смены эпох» - это периоды цивилизационных разломов и столкновения культур, сопровождающиеся деформациями сложившихся системных алгоритмов, разного рода бифуркациями, сломом ценностно-нормативных моделей и мировоззрения людей. В этом смысле современные российские трансформации предстают лишь частным проявлением общего метасистемного кризиса, глобального фазового перехода, а не исключительно российской проблемой. Просто наша страна, как социокультурный феномен, погружена в пространство основного цивилизационного разлома современности «Восток – Запад», что существенно ее переходное состояние многочисленными противоречиями.

Также в работе отмечается, что лидирующие социальные образования данного этапа развития метасистемы (плюралистические западные общества) в условиях фазового перехода стремятся раздробить крупные системы иного типа, переформатировав их в часть соевой ресурсной среды (в сырьевые приатки). Глобальная вестернизация - яркая иллюстрация данного процесса. Но выраженная однополярность метасистемы противоречит законам диалектики, делая ее не жизнеспособной и осложняя «фазовые переходы».

В рамках параграфа автор выдвигает тезис о том, что сложный процесс, «фазового

перехода», может быть менее болезненным только если конкретный социум (страна), не разрушая свои этнокультурные традиции (что крайне важно!), включится (инъецируется) в глобальное сообщество, привнося свое культурное богатство.

Далее внимание акцентируется на том, что сегодня задача России, найти свой способ прохождения переходной фазы. Системные исследования показывают перспективность опоры на собственный социокультурный потенциал, исторически сформировавшийся системный алгоритм выживания в условиях сложной ресурсной среды, культурный багаж и энергию основной массой населения страны. Ведь большинство жителей российской глубинки, в ходе прозападного реформирования, оказалось вне активных социокультурных процессов, погрузившись в затяжную депривацию. По мнению автора, игнорировать их потребности (подобно реформаторам перестроечных и первых постперестроечных лет), воспринимая страдания людей как неизбежный фон текущих преобразований, нельзя.

В параграфе рассматривается беспрецедентное давление Запада на социокультурный феномен Востока (Евразии, России), сопровождаемое почти эсхатологической убежденностью в необходимости вестернизации. В этой ситуации значимость России, как носителя специфической культуры и лидера оппозиции в новом миропорядке растет. Поэтому, делается заключение в параграфе, развитие российского социума стоит рассматривать с социологических, культурологических и философско - антропологических позиций, относящихся к проблеме выживания человечества в целом.

В третьем параграфе «Системные трансформации современного российского общества» исследуется поведение сложноорганизованной иерархической системы (в приложении к российскому социуму) в условиях ресурсодефицита. Указывается, что согласно принципам ОТС, управляющая подсистема в ситуации недостатка ресурсов, обеспечивает себя в ущерб другим подсистемам. В этой связи анализируется ситуация, когда в СССР управляющая подсистема первой осознала недостаток средств и инициировала реструктуризацию с целью оптимизации доступа к ресурсам. Трансформационные акции декларировались, как проводимые в интересах народа. На деле же реализовывались потребности активного управляющего меньшинства, при несопротивляющемся большинству, которое, в соответствии с алгоритмом социально одобряемого поведения в иерархической системе не проявляло инициативы.

Методика оптимизации была ориентирована на выстраивание полицентрированного социума, что в корне противоречило исторически сложившимся принципам жизнедеятельности российской моноцентрированной иерархической системы.

Ослабление роли центра и активизация периферийных подсистем (регионов) делало ее горизонтальной, игнорируя факт принципиально иного устройства. Однако прозападные мифологемы на исходе второго реформационного десятилетия уже не вызывают былого доверия. Это доказывается в тексте параграфа на базе анализа эмпирических данных, полученных в ходе различных социологических опросов населения в разных регионах России. Как вывод – формулируется тезис о бесперспективности переформатирования системы «А» под параметры принципиально иной системы «В».

В тексте отмечается, что внутрисистемные процессы, переходного российского периода, обусловленные ресурсно-технологической базой и природно-географическими условиями нашей страны, не были поняты реформаторами-западниками. Они воспринимались как феномены, не поддающимися анализу по критериям плюралистических систем и трактовались как признаки необратимого распада системы. В реальности же, как доказывает соискатель, все эти процессы свидетельствовали о высоком уровне сопротивления различных подсистем российского общества насильственному переформатированию.

Кроме того, в данном разделе обосновывается утверждение о том, что менталитет основной массы населения, рассредоточенной в отдаленных российских провинциях, не меняется также быстро, как политика. В итоге растет отчуждение человека от общества. Большая часть населения обширных российских территорий сегодня индифферентна к актуальным социальным процессам. Лишь незначительная часть населения столицы и ряда крупнейших российских городов включена в трансформационные процессы, принимая индивидуалистическую ценностную шкалу плюралистических систем. В целом же, констатируется в параграфе, дистанцирование человека от социума за годы реформ зашло настолько далеко, что средний житель российской провинции проявляет недоверие почти ко всему происходящему в стране, абстрагируется от болезненного ощущения социальной брошенности, концентрируясь на вопросах личного повседневного бытия, не характерно для коллективистской российской социокультурной традиции.

Отмечается также, что закон сохранения энергии позволяет «осколкам» распавшейся системы жить по принципам системы-матери и, со временем, возродить ее. Возрожденная система может иметь иную внешность (модальность), но ее суть, принцип построения (иерархический или плюралистический) останутся, как останется и специфический человеческий фактор с особым этнокультурным багажом. Так, несмотря, на назойливую вестернизацию, Россия все равно остается Россией со столицей, аккумулирующей экономический и политический ресурс, и провинцией, питающей столицу.

Во второй главе «Социетальная поливариантность трансформирующейся России» исследуются истоки тяжелейшего кризиса России, специфика деструктивного состояния российской провинции в период реформ и возможные альтернативы сложившейся ситуации, основанные на равноправном экономическом, политическом и социокультурном взаимодействии России с внешним миром.

В первом параграфе «Трансистоические структуры и самоорганизация российского периферийного социума» доказывается, что в СССР реформационная волна 80-х годов XX века не опиралась на поддержку широких слоев населения. Обосновывается утверждение о том, что изменения социума в последние годы существования СССР и постсоветское десятилетие, большинством людей были восприняты как катастрофа, поскольку распадались базовые жизненные параметры, позитивно воспринимаемые социальные стандарты и привычные алгоритмы деятельности. Невероятный экономический спад, деградация социальной сферы, рост внешней задолженности и другие показатели общего кризиса не сразу были осмыслены. Ощущение краха пришло с распадом структур повседневности и приходом особенностей рыночной экономики: безработицы, невыплат заработной платы, коммерциализации социальных структур, сепаратизма, упраздненных патерналистские функции государства.

Исследуя в параграфе особенности социальной активности и инициативы в иерархической системе, соискатель отмечает их специфическое понимание в России, выделяя руководящую и исполнительную инициативы. При этом констатируется, что чем ниже социальная страта, тем слабее исполнительская инициатива. Люди многочисленных низших страт в нашей стране (в основном жителями отдаленных провинций) испытывают активное давление внешней среды, в связи с чем, проявляют инициативу именно по отношению к среде, (выживают). Для того чтобы человек низших страт проявил еще и достаточную исполнительскую инициативу, давление «сверху» должно превышать давление «извне». Поэтому, делается вывод в параграфе, выживая в сложных условиях, большинство жителей российских провинций предпочитают опираться на отобранные длительной эволюцией ценности и деятельностные алгоритмы, проявляя консервативность и готовность подчиняться центру на условиях возобновления патерналистских отношений.

Сегодня даже активные западники признают сложность построения очага индивидуалистической достижительности в условиях превалирования социальной анонии, коммунального сознания и массового отторжения конкурентной этики.

На основе выше сказанного утверждается, что базовый системный алгоритм российского социума не удалось уничтожить окончательно, что и доказывается многочисленными эмпирическими данными. Российская социокультурная система продолжает жить, формируя новую цивилизационную модальность. Для этого, по мнению диссертанта, ей необходимо сохранить важное наследие предыдущей стадии – людей.

Основная часть российского антропоресурса сегодня – это основная часть населения провинций, со специфическими гендерно-демографическими показателями, менталитетом, ценностями, сформированными иерархической моноцентрированной системой. Дальнейшее давление иносистемных экономических, культурных, демографических и миграционных факторов может вскоре уничтожить это наследие, лишив Россию перспектив полноценного развития.

В параграфе доказывается, что успешное прохождение бифуркационной стадии социумом возможно только при сохранении базового системного алгоритма, культурного ядра и соответствующим образом структурированного антропоресурса. Кроме того, отмечается в разделе, постбифуркационный этап может характеризоваться более благоприятными условиями для реализации преимуществ системы того или иного типа. В частности на данном этапе развития метасистемы (даже в плюралистических обществах) растет значимость управленческой подструктуры, что органично иерархическим системам. Таким образом, по мнению диссертанта, новый исторический этап актуализирует ценности моноцентрированных иерархических систем, выработав потенциал систем плюралистических. В подобной ситуации перед Россией открывается значительная перспектива, но при условии степени централизации адекватной задачам развития, а не превосходящей их.

В итоге отмечается, что понимание трансисторических закономерностей нашего социума требует анализа комплекса структур и принципов, на которых основана Россия (и дореволюционная, и советская, и постперестроечная) и носителем которых является российская провинция.

Во втором параграфе «Культура – смыслообразующее ядро российского общества» центральное место уделено анализу понятия менталитет в контексте системного подхода, где он трактуется как слабо рефлекслируемый пласт сознания, воплощающий базовый алгоритм социума. Ориентируя деятельность человека на

ценностную шкалу, адекватную потребностям системы и способствуя отторжению чуждых культурных артефактов, менталитет сплачивает социальную агрегацию. Такой подход позволяет увидеть связь между системными трансформациями и изменениями в мировоззрении людей.

При этом автором подчеркивается, что со временем типичный способ жизнедеятельности (алгоритм), может транслироваться на другие виды деятельности. Исходя из этого, соискатель утверждает, что российский менталитет отражает систему ценностных установок всех россиян (как русского этнического ядра, так и других этносов, исторически входящих в состав социокультурного пространства нашей страны). Менталитет – это сквозное понятие для всех общественных институтов, структур и слоев. Он устойчив к влиянию извне, позволяя осваивать мир в ракурсе своей культуры и эпохи, являясь как бы скорлупой, защищающей этнос. Выделяется послойно-сферическая структура российского менталитета, объединенная значимостью коллективного способа выживания, и такая его черта как импульсивность, обусловленная типом хозяйственной деятельности (высокой коллективной трудовой активностью летом и сниженной зимой). Отмечается, несопоставимость основных характеристик российского менталитета и регламентированной реальности плюралистических систем.

Однако в рамках данного раздела диссертант констатирует влияние многолетнего прозападного реформирования на ценности сегодняшних жителей российской провинции. Но даже рост рационализации не вытесняет из сознания современных жителей российской периферии импульсивно – эмоциональной мотивации к деятельности. Не утрачена и значимость коллективного мировосприятия. Хотя, принявшие западные социокультурные ценности управленческая и финансовая элита, как в центре, так в провинции, усиливает поведенческую и социальную дифференциацию.

Анализ эмпирических данных о специфике ценностных ориентаций сегодняшних россиян, показывает, что условием успешности социокультурных трансформаций в нашей стране является не только их адекватность потребностям системы, но и высокий авторитет государственных структур (подсистемы управления). В связи с акцентуацией российского менталитета на идее социальной справедливости, выдвигается сомнение в том, что западная (индивидуалистическая и конкурентная, по сути) ценностная модель может быть в полной мере понята и воспринята в российской провинции.

Отмечается потребность сегодняшней России в общенациональной солидаризирующей

идеологии, которая не может быть внедрена «извне». Такая идеология складывается сама из доминирующих общественных настроений и веками формирующейся ценностной парадигмы социальной системы иерархического типа.

Параграф третий «Ценностные основания современного российского общества» посвящен рассмотрению динамики ценностных ориентаций жителей современной российской провинции. Утверждается допустимость при фазовых переходах смене аксиологических акцентов при общем соответствии ценностной шкале, заданной основным системным алгоритмом. Это обстоятельство объясняет устойчивость в менталитете жителей российской провинции коммунального сознания. Россия всегда занимала значимое место на мировой арене во многом благодаря приверженности ценностям коллективного выживания.

В диссертации обращается внимание на то, что для обеспечения условий, аналогичных западным стандартам индивидуального потребления, в России требуются колоссальные энергозатраты, в силу географических масштабов и природно-климатической ситуации. Такие энергозатраты нерентабельны и невозможны. Следовательно, Россия вынуждена и впредь ориентироваться на наиболее адекватный в ее условиях путь – идеологию коллективного выживания при наличии сильного координирующего центра.

Далее автор определяет принципиальное отличие этического строя субъектов плюралистической системы от ценностных идеалов системы моноцентрированной. Проводится сравнительный анализ модели моральных мотиваций А. Маслоу, вполне соответствующей ценностям протестантским параметрам западных обществ, описанных М. Вебером, и православной культуры. Акцентируется внимание на том, что последняя воспринимает многие ценности первой как шкалу антиценностей.

Повышенный интерес в рамках параграфа вызвала проблема ресентимента, ставшего результатом длительного разрушительного воздействия на ценностные ориентиры россиян. Ее исследование показало, что новые ценностные модели в основном ассимилировались жителями столицы и нескольких крупнейших городов. Большинство же населения российских провинций весьма специфично воспринимает инокультурные ценности, плохо понимая их суть и формы реализации в евразийском социокультурном пространстве.

и сегодня не представляет себе понятных и приемлемых путей реализации в

окружающем их специфическом, евразийском социокультурном пространстве. Балансируя между привычными ценностными ориентирами коллективизма и новыми ценностями индивидуалистического плана, россияне в итоге проваливаются в ресентимент («социокультурный нигилизм», «самоотравление души» - М. Шелер), который отрицает все ценности, оставляя человеку лишь деструктивность. Долгое пребывание в состоянии ресентимента маргинализирует мировосприятие, замещая ценности своеобразной «философией грязи», разлагающей социум.

Реформационные потрясения охладил интерес россиян к ценностям западных демократий. В связи с этим аксиологические приоритеты основной массы населения возвращаются сегодня к традиционным понятиям, о чем свидетельствуют данные эмпирических исследований, проведенных как автором диссертации, так и другими учеными в разных регионах России.

Однако базовые принципы российской социальной системы продолжают подвергаться прессингу. В связи с чем, снижается социокультурная значимость нашего населения, делая жителей российской провинции не способными защитить себя от косвенной инокультурной и прямой миграционной экспансии. В данном контексте обращается внимание на необходимость серьезного исследования социальных процессов и вектора ценностных ориентаций жителей российских полиэтнических провинций (в частности юга России), требуют серьезнейшего внимания ученых. Основная причина - именно эти территории испытывают двойной прессинг: вестернизацию через СМИ и активную исламизацию через миграционные потоки.

В третьей главе диссертации «Современная российская провинция в контексте общесистемных изменений» обращается внимание на то, что Россия – одно из государств, где сохраняется четкое разделение общественной жизни на «столичную» и «провинциальную». Определяются характеристики российской провинции, свойственные ее населению нормы поведения и потребления, шкала ценностей, представления о жизненных перспективах, отвечающие основному социокультурному алгоритму системы. Отмечается этический характер категорий «провинция» и «столица» в русской историко-культурной и социально-политической исследовательской традиции. Утверждается, что консерватизм и инерционность российской провинции позволяет объемнее оценить различные аспекты инновационных процессов в сегодняшней России.

В первом параграфе «Провинция, как социокультурное пространство реализации общесистемного алгоритма» отмечается, что постижение «жизнесмыслов»

современной российской провинциальности, специфики ее социокультурных изменений и демографического потенциала, актуальная проблема отечественного обществознания. По мнению автора, место российской провинции в истории и культуре страны определяется ее оппозиционностью. У провинции другая мера внутренней свободы, компетентности, динамизма, позволяющие исследовать области общественной жизни, выходящие за пределы столичных ориентиров.

В качестве исходной выдвигается позиция о том, что российская провинция – это явление двойственное, географическое по форме и социокультурное по сути. При этом любая локальная социокультурная специфика – есть часть культуры общероссийской, поэтому социально-экономическое и культурное возрождение провинции сегодня одно из условий преодоления кризиса, вызванного разрывом с базовыми историко-ментальными традициями страны. Такой исследовательский подход позволяет провинциальной жизни претендовать на демонстрацию общероссийской специфики и тенденций общенационального развития.

В параграфе рассматриваются различные исследовательские аспекты понятия «провинция». Констатируется повышенное внимание к ее культурной стороне жизни, при слабой разработанности социологического поля. В этой связи, автор представляет типизированные параметры социокультурной провинциальной среды: ограниченность культурного, экономического и политического пространств, минимальность дистанции человек - общество, консерватизм оценок, большая эмоциональная открытость, относительно невысокий уровень благосостояния, узость жизненных шансов населения, узость рынка труда, рынка брачно-семейных отношений и т.п.

Обращается внимание на неоднозначность и конфликтность восприятия понятия «провинция» в отечественном исследовательском поле, что свидетельствует, как минимум, о двух подходах к ее изучению: одному свойственны нарицательные суждения о ней, другому – неоправданная восторженность. Обе позиции, по мнению диссертанта, далеки от реальности. Российская провинция определяется соискателем как специфическое социальное пространство, отражающее традиционный для России диапазон ценностей, соответствующих базовому системному алгоритму. Ее обособленности (обусловленные гео-историческими и социально-экономическими причинами) сформировали особое мировосприятие, отторгающее индивидуализм и утилитарный прагматизм.

В рамках параграфа выделяется тезис о том, что дихотомия «Центр – Периферия» актуальна на протяжении веков российской истории и воспроизводит расщепленный тип

национального самосознания: прозападно ориентированный менталитет жителей столицы и периодически подвергающееся модернизациям мировоззрение обитателей провинций. Но, несмотря на все нарастающую вестернизацию центра и овосточивание периферии, даже в условиях кризиса российская провинция продолжает жить в соответствии с системным алгоритмом на всем социальном пространстве.

По мнению диссертанта, можно выделить «большую провинцию» (крупные города) и «малую» (небольшие городки, села). Обе функционально соподчинены требованиям центра. Отмечается «очаговость» провинциальной социокультурной жизни, являющаяся формой преодоления огромного евразийского пространства.

В работе акцентируется внимание на том, что утверждения о деградации российской провинции неоправданны. Некоторый спад во всех сферах жизни, конечно, есть, однако в целом, российская периферия живет. Как жив и значимая для российского социокультурного пространства оппозиция Центр – Периферия, обеспечивающая реализацию основного алгоритма иерархической соподчиненности подсистем.

Во втором параграфе «Специфика общекультурного пространства в полиэтнической провинции»

акцентируется внимание на идее евразийства, выражающей интересы народов России. Отмечается, что настороженное отношение к усилению роли государства в этнической политике, не всегда оправдано. Но, по мнению, диссертанта, сегодня данная тенденция позволяет уйти от сепаратистских настроений постсоветского пространства 90-х годов к состоянию более органичному для иерархической социокультурной системы нашей страны.

В параграфе критически переосмысливается значение ассимиляции как модели этно-социо-культурной адаптации. Перспективнее автор считает менее болезненную культурную интеграцию. Выделяется ряд переменных от которых зависит успешность взаимодействия представителей различных культур в социальном пространстве современной российской провинции. На примере многонациональной Астраханской области показан исторически сформировавшийся механизм относительно бесконфликтного сосуществования множества этносов.

Эмпирические исследования, проведенные диссертантом, показали, что сегодня в ряде южнороссийских полиэтнических провинций (в частности в Астраханской области) наблюдается достаточно высокий уровень этно-религиозной терпимости, что важно для

сохранения мира.

В рамках параграфа автор выражает мнение, что споры о цивилизационной идентичности России разрешает сама действительность. В тех провинциальных социумах, где одна из культурных моделей (восточная или западная) подавляется, наблюдаются сложности межэтнические, экономические и социально-политические. В Астраханской области пока относительно мирно сосуществуют восточные и западные этнокультурные и конфессиональные компоненты. Этот пример показывает эффективность евразийского понимания сообщества народов, основанного на многовековом сбалансированном, взаимодействии православно-славянской и тюрко-мусульманской культур. В результате - формируется уникальное сочетание этносов, взаимное притяжение которых сильнее, чем отталкивание, поскольку у них общая цель - выжить в сложных условиях России, подтверждая слова П. А. Столыпина о том, что отсечение одной из голов двуглавному российскому орлу не превратит его в одноглавую птицу, а лишь заставит истечь кровью.

Однако значительные миграционные потоки последних 15 лет меняют исторически сложившийся этнический баланс многих южнороссийских провинций в сторону преваляирования горских народов Северного Кавказа - Закавказья и тюркских народов Средней Азии. Рост этой тенденции может привести к консолидации мусульманского населения и сепаратистским настроениям, что опасно ослаблением контроля Москвы над данными территориями, обладающими выгодным геополитическим и экономическим положением. Для предотвращения этого важно содействовать сохранению евразийской специфики региона законодательными методами и политикой обоснованного квотирования на федеральном и областном уровнях.

В третьем параграфе «Социокультурные особенности средних слоев населения современной российской провинции»

исследуется комплексная проблема, включающая анализ специфики и численности среднего слоя, экономических границ, механизма формирования и динамики его трансформаций в российской провинции. Важны и вопросы о демографическом составе среднего слоя, источниках пополнения, соотношении его реального и субъективного ореолов, ценностных ориентирах и особенностях менталитета его представителей в России.

В параграфе рассматриваются основные подходы к изучению понятия средний слой и стадии формирования этого феномена в нашей стране. Выделяются наиболее значимые в российских условиях критерии среднего слоя. Отмечается своеобразие и многочисленность среднего слоя в СССР (по параметрам системы). Констатируется, что

средние слои советского общества обладали высоким уровнем образования, квалификации, определенной дисциплинированностью и потребностью дальнейшего социокультурного роста. В этом смысле постсоветская Россия унаследовала ценный в социокультурном плане капитал - многочисленный, квалифицированный, слабо дифференцированный человеческий потенциал, усвоивший принципы системной иерархии и не имевший негативного опыта независимого выживания, ожидавший от государства контроля и поддержки. На этом фоне без снижения изначально высоких запросов субъектов системы, адаптация их к новым условиям кризиса и рыночной оптимизации была бы невозможной. Что и произошло, но было воспринято основной массой населения как жизненная катастрофа.

Сегодня, подчеркивается автором, в сознании жителей российской провинции живы преимущественно позитивные воспоминания о советской эпохе, формирующие образ «светлого прошлого». Минусы социализма, на фоне пережитых за годы реформ потрясений, кажутся незначительными, питая реставрационные идеи в сознании россиян старше 35 лет.

Далее раскрывается вопрос поляризации социального пространства российской провинции. Отмечается, что эмпирические исследования показывают тенденцию формирования специфического среднего слоя в России, заметно отличающегося от подобной социальной прослойки в плюралистических западных обществах. Выделяются характерные черты представителя мультиэтнического среднего слоя в южнороссийской многонациональной провинции: малочисленность, полиэтничность, экономическая сегментированность и маргинальность.

Кроме того, соискатель обращает внимание на неравномерность развития центра и периферии в России, что требует и дифференциации средних слоев в названных полюсах, уровень дохода которых, образ жизни, досуг, образование и система потребительских практик, заметно отличаются. Удаленность от финансово-экономических центров, политический абсентеизм, слабая социальная инфраструктура и замедленность информационно-культурных процессов влияют на механизм, тип и темпы формирования среднего слоя в российской провинции. И лишь комплексно-системное рассмотрение стратификационных и социокультурных показателей существования современной российской провинции, может дать некоторое представление о ее сегодняшней специфической социальной структуре и перспективах.

Четвертая глава «Этнокультурная специфика и миграционные потоки на юге России: взаимосвязь явлений и социальная динамика»

посвящена

рассмотрению проблемы современного межэтнического и социокультурного взаимодействия населения южнороссийских многонациональных провинций в условиях активных миграций.

В первом параграфе «Проблема этнической идентификации в социокультурной системе современной России» отмечается, значимость выделения надэтнических ценностей (соответствующих общесистемному алгоритму) без утраты этнической идентичности. В некоторых южнороссийских провинциях (в частности в Астраханской области) модель подобной ситуации есть. Здесь многочисленные этносы относительно мирно уживаются, формируя евразийскую систему ценностных ориентиров, общую инфраструктуру и экономическую взаимозависимость, дополняемые единым языком общения (государственным русским) и законодательством.

В рамках параграфа отмечается минимальная связь этничности с социальной динамикой. В период кризиса именно этничность может выступать психологической опорой и критерием стратификации, особенно на периферии. В параграфе также приводится анализ миграционных потоков в РФ, особенно в ЮФО. Выделены причины их активизации.

Во втором параграфе «Влияние миграционной ситуации на социокультурные, экономические и демографические перспективы южнороссийской провинции» основное внимание уделено воздействию миграционных процессов на этностратификационную ситуацию. Сегодняшние сложности в этой сфере – результат непродуманной миграционной политики прошлых лет и общей геополитической тенденции в мире. Все это делает вопросы управления миграционными процессами предметом пристального внимания.

В параграфе констатируется катастрофичность наступающего в России демографического спада. Подтверждается значимость миграции при нарастающей убыли трудоспособного населения. Но, имея как плюсы, так и минусы, она порождает проблемы, особенно в буферных российских провинциях, принимающих основной миграционный удар. Обращается внимание на колоссальный миграционный прессинг со стороны кавказско-азиатских народов на южнороссийские полиэтнические территории и набирающую рост тенденцию выдавливания славянского населения.

Совокупность названных тенденций сегодня активно формирует демографический, трудовой и этнический потенциал в российских провинциях. Отмечается также связь социально-экономического развития российских провинций и столицы с асимметрией миграционного потока. В итоге автор заключает, что улучшить демографическую ситуацию и решить проблему нехватки рабочих рук на южнороссийской периферии, сдерживая при этом активно идущий процесс ее исламизации, может только продуманная и согласованная миграционная политика федерального и муниципального уровня.

Таким образом, миграционные процессы в РФ сложны и неоднозначны, они оказывают как позитивное, так и негативное на социально-экономическое и политическое воздействие. Позитивное - поскольку миграция призвана смягчить демографический кризис (являющийся реальной угрозой национальной безопасности) и обеспечить перераспределение трудовых ресурсов в условиях оживления экономики. Негативное - ибо нарастает избыточная концентрация мигрантов в ряде регионов страны, возникает сопутствующий этому явлению неконтролируемый рынок товаров и услуг, разворачивается наркобизнес, осложняется криминогенная ситуация и т.п.

И, наконец, в третьем параграфе работы «Системный анализ особенностей миграционной ситуации в современной южнороссийской полиэтнической провинции» (на примере Астраханской области)

рассматривается влияние миграций на социальную структуру южнороссийской полиэтнической провинции на конкретном примере. Анализируется рост миграционного потока на Юге России (в частности приводятся данные о численности мигрантов по Астраханской и смежной с ней областям). Подчеркивается, что за последние 10 лет в ЮФО по минимальным официальным данным въехало около 2,5 млн.чел. Социальная инфраструктура округа, не рассчитанная на такую численность населения, испытывает значительные перегрузки. В некоторых ранее спокойных районах (Астраханская, Волгоградская области) есть случаи столкновений между мигрантами и реципиентным населением. В этой связи отмечается, что неконтролируемое изменение исторически сложившейся этнической палитры в южнороссийских провинциях в пользу горских и тюркских этносов – опасная для целостности России тенденция.

Славянское ядро на протяжении веков уравнивало этнопестроту южных территорий, являясь проводником государственной власти на периферии. Ослабление политического, экономического и культурного статуса славянского населения здесь, ведет к дестабилизации социума.

В рамках данного параграфа рассматривается и проблема диаспорности, осложняющая контроль над некоторыми компактными поселениями мигрантов. Кроме того, культурно – религиозные установки на многодетность не позволяют женщинам -мигранткам пополнить численность активного трудоспособного населения (жены мигрантов-мусульман), создавая при этом дополнительную финансовую нагрузку на бюджет области в связи с необходимостью выплат им социальных пособий на многочисленных детей (при официальной регистрации). Все это провоцирует рост ксенофобии, грозящий перерасти в скором будущем в этнофобию, что может привести к нарушению хрупкого баланса мирного сосуществования в многонациональных российских провинциях юга.

В **заключении** диссертации излагаются основные выводы исследования. Отмечено, что рассматриваемые в представленной диссертации вопросы чрезвычайно многомерны. Анализ их через призму основных положений общей теории систем помогает понять ведущие тенденции в развитии современного российского общества.

В рамках проведенного исследования, удалось достичь цели работы – выявить наиболее значимые характеристики и направленность социокультурных изменений в современной российской полиэтнической провинции. Раскрыть содержание понятия «провинция», применительно к современным российским реалиям.

Кроме того, на базе эмпирических исследований и теоретических обобщений удалось доказать:

- значимость связи основного алгоритма жизнедеятельности системы и ее культурного ядра, понимаемого как основание ментальных конструкций российских людей;
- обусловленность специфики системного кризиса России особенностями глобального культурно-цивилизационного разлома;
- динамику ценностных ориентаций и моделей поведения сегодняшних россиян (представлены в региональных исследованиях);

- важность социологического осмысления процессов, идущих в современной российской полиэтнической провинции;

- значимость социальных и этнокультурных ценностных ориентаций наиболее активных средних слоев населения в современной российской полиэтнической провинции;

- наличие тревожных тенденций, касающихся неконтролируемого миграционного давления на социальную структуру и исторически сложившуюся этническую палитру приграничных южнороссийских полиэтнических провинций;

- необходимость разработки модели выхода России из кризисного состояния, с учетом самобытного алгоритма развития.

В приложениях приводятся дополнительные материалы, иллюстрирующие эмпирическую базу диссертации и статистические справочные данные.

Основные публикации автора по теме диссертации:

Монографии и разделы в них

1. Фролова Ю.С. Социокультурные процессы в России: системный подход. Монография. - / Ю.С. Фролова. - М: Изд - во МОСУ, 2004. – 7,05 п.л.

2. Фролова Ю.С. Типология личности в современной российской полиэтнической провинции. Монография / Ю.С. Фролова. - Астрахань: Изд-во АФ МОСУ, 2005. – 8 п.л.

3. Фролова Ю.С. Феноменологический анализ ценностных ориентаций транзитивного общества. //Новая феноменология духа. - Коллективная монография. /под ред. д.ф.н.

П.Л. Карабущенко – Т.1. Гл. 3. Раздел 2. С. 92-104. - М: Прометей, 2004. – 180 с. - /авт. текст. - 1 п.л./

4. Фролова Ю.С. Современная российская полиэтническая провинция и молодежь: анализ социокультурных особенностей. //Современные массовые процессы и молодежь. - Коллективная монография. /под ред. Д.С. Петрова. Т.1. - Воронеж: Изд-во «Научная книга», 2004. - 200с. - /авт. текст. - 0,5 п.л./

5. Фролова Ю.С. Антропокультурный ресурс российской молодежи и проблема «проедания» интеллектуального потенциала. //Современные массовые процессы и молодежь. - Коллективная монография. /под ред. Д.С. Петрова. Т. 2. - Воронеж: Изд-во «Научная книга», 2005. - 210 с. / авт. текст. – 0,5 п.л./

Статьи в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК России

6. Фролова Ю.С. Средний класс и проблема образования в Российской провинции.(на примере Астраханского региона). //Альма - матер. Вестник высшей школы. - 2004. - № 4. – С. 54 – 58.

7. Гегель Л.А., Фролова Ю.С. Этноконфессиональные особенности южнороссийского региона. //Социологические исследования. - 2007. - № 2. – С. . 117 - 120

8. Фролова Ю.С. Образование и региональные молодежные ценности. – //Высшее образование в России. - 2007. - № 7. – С. 85-89.

Прочие публикации по теме диссертации

9. Фролова Ю.С. Роль социального мифотворчества в формировании ментальности постиндустриального общества. //Ученые записки. Астраханский филиал Московского Открытого Социального Университета. - 2000, № 3. – 0,5 п.л.

10. Фролова Ю.С. Проблема межсекторного взаимодействия в поликультурной среде: социальный конфликт и пути его предупреждения. //Сборник трудов молодых ученых Московского Открытого Социального Университета (к 10-летию МОСУ) – М.: МОСУ, 2001г. – 0,5 п.л.

11. Фролова Ю.С. Формирование среднего класса в полиэтническом регионе. //Астраполис. - 2002г. - № 2. – 0,5 п.л.

12. Фролова Ю.С. Системный подход к анализу ценностных оснований социокультурных процессов трансформирующегося общества (на примере полиэтнической провинции) //Россия сегодня: проблемы регионального развития. Сборник научных трудов молодых ученых. – Астрахань, Изд-во «Новая Линия», - 2003. – 0,5 п.л.

13. Фролова Ю.С. Антропокультурный потенциал России в период транзитивности //Актуальные проблемы социогуманитарного знания: сб. науч. тр.– М.: МПГУ, 2005. - Вып. 32. – 0,5 п.л.

14. Фролова Ю.С. Российская полиэтническая провинция: анализ социокультурных особенностей. //Актуальные проблемы социогуманитарного знания: сб. науч. тр.– М.: МПГУ, 2006. - Вып. 36. – 0,4 п.л.

Материалы научных конгрессов, симпозиумов, конференций и семинаров

15. Фролова Ю.С. Социальное мифотворчество, как следствие гиперсоциализации. //Материалы II международной научной конференции «Человек в современных философских концепциях». – Волгоград, изд-во ВГУ, сентябрь 2000г. – 0,3 п.л.

16. Фролова Ю.С. Конфликт: специфика социально-антропологического анализа понятия. //Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Южно-Российский Гуманитарный Институт. - Астрахань, изд-во ЮРГИ, март 2001г. – 0,5

п.л.

17. Фролова Ю.С. Социально-антропологический анализ понятия конфликт. //Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Астраханский филиал Московского Открытого Социального Университета. - Астрахань, изд-во АФ МОСУ, апрель 2001. - 0,4 п.л.

18. Фролова Ю.С. Проблема социальной идентификации в регионе. //Материалы ежегодной межрегиональной научно-практической конференции. Астраханский филиал МОСУ. – Астрахань, изд-во АФ МОСУ, апрель 2002г. – 0.3 п.л.

19. Фролова Ю.С. Социальные идентификации и социальная напряженность. //Материалы ежегодной межрегиональной научно-практической конференции. Южно-Российский Гуманитарный Институт. – Астрахань, изд-во ЮРГИ, апрель 2002г. – 0,3 п.л.

20. Фролова Ю.С. Социальная идентификация и социальная напряженность: Астраханский регион. //Материалы международной научно-практической конференции «Единый Каспий: межгосударственное сотрудничество и проблемы экономического и социального развития региона». – Астрахань, изд-во АГУ, июнь 2002 г. – 0,3 п.л.

22. Фролова Ю.С. Проблема формирования среднего класса в полиэтническом регионе. //Материалы международной научно-практической конференции «Геополитика и Прикаспийский регион: взгляд в XXI век». – Астрахань, изд-во АГТУ, ноябрь 2002 года. – 0,3 п.л.

23. Фролова Ю.С. Специфика формирования среднего класса в полиэтническом регионе. //Материалы межрегиональной научно-практической конференции к 10 Астраханского Социального Института, филиала Московского Университета. - Астрахань, изд-во АФ МОСУ, апрель 2003. – 1 п.л.

24. Фролова Ю.С. Теория систем в применении к анализу современных

трансформационных процессов в России. //Материалы восьмой международной научно-практической конференции «Образование. Экономика. Экология. Информатика». - Астрахань, изд-во АГТУ, сентябрь 2003. – 0,3 п.л.

25. Фролова Ю.С. Анализ структурной специфики среднего класса в полиэтническом регионе. //Материалы международной научно-практической конференции «Россия и регион: политико-правовые и гуманитарные проблемы». - Астрахань, изд-во АГУ, ноябрь 2003г. – 0,3 п.л.

26. Фролова Ю.С. Средний класс в российской провинции: амбивалентность поведенческих тенденций. //Материалы общероссийской научной конференции СПб ГУ «Экстремальное существование». – СПб.: изд-во СПбГУ, май 2004. – 0,3. п.л.

27. Фролова Ю.С. Средний класс в южно-российской многонациональной провинции: специфика формирования и перспективы роста. //Материалы международной научно-практической конференции «Экономика на службе у общества».- Астрахань, изд-во АГТУ, май 2004. – 0,3. п.л.

28. Фролова Ю.С. Молодой средний класс модернизирующейся России: социальный портрет, историко-экономические парадигмы развития. //Материалы международной научной конференции «Специфика ментального самосознания и поведения молодежи Северного Кавказа».- Астрахань, изд-во АГТУ, июнь 2004. – 0,3 п.л.

29. Фролова Ю.С. Адаптивные поведенческие модели в сознании представителей среднего класса в российской полиэтнической провинции. //Материалы международной научной конференции «Россия и Восток. Феномен сознания: интегральное видение». - Астрахань, изд-во АГУ, сентябрь 2004. – 0,3 п.л.

30. Фролова Ю.С. Адаптационные стратегии молодых представителей среднего класса в российской многонациональной провинции. //Материалы межрегиональной научно -

практической конференции «Молодежь и проблемы современности». – Воронеж, ВГУ, сентябрь 2004. – 0,3 п.л.

31. Фролова Ю.С. Ценностные основания формирования поведенческих моделей молодежи в российской полиэтнической провинции. // Материалы всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения 2004. Российское общество и вызовы глобализации». – М.: МГУ, декабрь 2004. – 0,3 п.л.

32. Фролова Ю.С. Типология личности в молодежной среде российского полиэтнического региона. // Материалы межрегиональной научной конференции «Современные массовые процессы и молодежь». - Воронеж, ВГУ, март 2005. – 0,3 п.л.

33. Фролова Ю.С. Полиэтничный социум в условиях рыночной организации. // Материалы международной научно-практической конференции «Организация в фокусе социальных исследований». – Нижний Новгород, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, апрель, 2005. – 0,1 п.л.

34. Фролов С.С., Фролова Ю.С. Особенности формирования системы ценностей личности в полиэтническом регионе. // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Астраханского Государственного Технического университета. – Астрахань, изд-во АГТУ, апрель 2005. – 0, п.л.

35. Фролова Ю.С. Антропокультурный кризис в России: анализ перспектив. //Материалы всероссийской научно – практической конференции (с международным участием) «Социально-экономическое и политико-правовое развитие региона». – Астрахань, изд-во АФ МОСУ, май 2005. – 0,3 п.л.

36. Фролова Ю.С. Специфика понятия «этничность» в условиях мультикультурного диалога в России. //Материалы II международной научной конференции «Этнопсихологические и социокультурные процессы в современном обществе». – Балашов, изд-во «Николаев», сентябрь 2005 г. – 0,1 п.л.

37. Фролова Ю.С. Процессы глобализации и социокультурные трансформации России. //Материалы международной научной конференции «Социально-экономические проблемы переходного периода» - Уфа – Нефтекамск, Нефтекамский филиал Башкирского государственного университета, апрель 2006. – 0,3 п.л.
38. Фролова Ю.С. Миграционная ситуация и ее влияние на перспективы развития современного южнороссийского полиэтнического региона. //Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Взаимодействие власти, СМИ и общества в реализации миграционной политики». – Астрахань, Администрация г. Астрахани, Комитет по образованию и науке, март 2006. – 0,5 п.л.
39. Фролова Ю.С. Феномен российского ресентимента и его связь с понятием девиации. //Материалы международной научно-практической конференции «Девиация и делинквентность: социальный контроль». – Нижний Новгород, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, апрель 2006. – 0,3 п.л.
40. Фролова Ю.С. Влияние региональной специфики системы высшего образования на социокультурное развитие современной российской полиэтнической провинции. //Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Опыт преподавания гуманитарных дисциплин в высшей школе». – М.: МАТИ, - апрель 2006. – 0,1 п.л.
41. Фролова Ю.С. Проблема кризиса идентичности российской социокультурной системы. //Тезисы докладов и выступлений Всероссийского социологического конгресса «Глобализация и социальные изменения в современной России». – Москва, МГУ, - октябрь 2006. – 0,3 п.л.
42. Фролова Ю.С. Южнороссийская полиэтническая провинция: анализ конфессионального поля. //Сборник материалов заочной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного общества». – Астрахань, Изд-во АФ МОСУ. – декабрь 2006. 0,5 п.л.
43. Фролова Ю.С. Влияние миграционных потоков на развитие современного южнороссийского полиэтнического региона. //Тезисы докладов выступлений международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы

социально-экономического развития России». – Сочи, февраль 2007. – 0,3 п.л.

44. Фролова Ю.С. Современная российская провинция в контексте общесистемных изменений. //Материалы межрегиональной научной конференции молодых ученых. «Актуальные проблемы современности» - Астрахань, АФ ВАГС, июнь 2007. – 0,5 п.л.

---

[1] Алексеева М.Б., Балан С.Н. Основы теории систем и системного анализа. – СПб, 2002; Берталанфи Л. фон. История и статус общей теории систем. //Системные исследования. - М., 1973; Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. – М., 1989; Бранский В.П. Теоретические основания социальной синергетики. //Вопросы философии. - 1999, № 4; Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб., 2001; Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. – СПб., 1999; Давыдов А.А. Системная социология. – М., 2006; Карташов В.А. Система систем. Очерки общей теории и методологии. – М., 1995; Мухин В.И. Основы исследования систем. – М., 1997; Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. – М., 1994; Ласло Э. Основания трансдисциплинарной единой теории. //Вопросы философии. – 1997, №2; Луман Н. Почему необходима «системная теория»? //Проблемы теоретической социологии.- СПб., 1994; Месарович М., Марко Д., Тахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. – М., 1973; Милованов В.П. Неравновесные социально-экономические системы: синергетика и самоорганизация. – М., 2001; Сплицнадель В.Н. Основы системного анализа. – СПб., 2000; Исаев В.В., Немчин А.М. Общая теория социально-экономических систем. – СПб., 2002; Пригожин И.Р., Стенгерс И.Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М., 1986; Эшби Р. Введение в кибернетику. – М., 2006.

[2] Амелина Е. Понятие «цивилизация» вчера и сегодня. //Общественные науки и современность.-1992.-№ 2; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. - М., 2004; Берг П., Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003; Васильев Л.С. Исторические типы цивилизаций (традиции цивилизации).//Цивилизация и исторический процесс. - М., 1993; Данилевский Н.Я.

Россия и Европа. – М., 1993; Дилигенский Г.Г. «Конец истории» смена цивилизаций? //Цивилизации. – М., 1993. Вып. 2; Ерасов Б.С. Сравнительное изучение цивилизаций. - М., 1998; Сайко Э.В. Цивилизация в пространственно-временном континууме социальной эволюции и проблема ее системного слома. //Цивилизация. Восхождение и слом: структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. - М., 2003; Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М., 2003; Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. - М., 2002; Тоффлер Э.Третья волна. - М., 2004; Шпенглер О. Закат Европы. - М., 1998.

[3] Бенхабиб С. Притязания культуры: равенство и разнообразие в глобальную эпоху. - М., 2003; Добрынина В.И., Большаков А.В., Гараджа В.И. Актуальные проблемы культуры XX века. – М., 1993; Лихачев Д. С. Человечество спасет себя, спасая культуру. Декларация прав культуры. //Российский обозреватель. – 1996, №4; Малиновский Б. Научная теория культуры. – М., 1999; Манаков А.Г. Культурные границы и идентичность. //Идентичность и география в постсоветской России. – СПб., 2003; Пилипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. – М., 1998.

[4] Андерсен Б. Воображаемые сообщества. – М., 2001; Бурдье П. Социальное пространство и генезис «классов». //Вопросы социологии. - 1992. № 1; Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. – М., 2003; Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии. – М., 1990; Глазьев С.Ю. Закономерности социальной эволюции: вопросы методологии. //Социологические исследования. – 1996, № 6; Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М., 1995; Кастельс М. Становление общества сетевых структур. //Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. - М., 1999; Мертон Р. Социальная структура и аномия. //Социологические исследования. -1992. № 3; Неклесса А.И. Постсовременный мир в новой системе координат. //Восток. – 1997, № 2; Парсонс Т. Система современных обществ. – М., 1997; Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность. //Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992; Туроу Л. Будущее капитализма. Как экономика сегодняшнего дня формирует мир завтрашний. //Новая постиндустриальная волна на Западе. – М., 1999.; Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. - М., 2004; Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий XX век 1914-1991. – М., 2004 ; Хотцей А.С. Теория общества. Т. 3. Кн.2. – Казань, 2002.

[5] [5] Арин О.А. Россия в стратегическом капкане. – М., 1997; Ахиезер А.С. Специфика социокультурных конфликтов в России: XX в. //Социокультурные конфликты в истории России. - Омск, 2004; Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. – М., 2000;
Белоусов А.
Структурный кризис советской индустриальной системы. //Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Т. 1. - М., 1995; Беляев Е.В. Трансформация: у каждой страны уникальный путь. //Социологические исследования.-2002, №10;
Беляева Л.А.
Социальная модернизация в России в конце XX века. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени доктора соц. наук. - М., 1997;
Горшков М.К.
Российское общество в условиях трансформации: (социологический анализ) 1992-2002. - М., 2003; Ельчанинов М.С. Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна. – М., 2005; Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. – М., 2003; Здравомыслов А.Г. Социология Российского кризиса. - М., 1999;
Захаров Н.Л.
Специфика социальной системы России. – Ижевск, 2000; Лапин Н.И. Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. - М., 1994; Левада Ю.А. Социальные типы переходного периода: попытка характеристики. //Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. - 1997. № 2;
Микульский К.И.
Социально-экономические модели в современном мире и путь России. Кн. 1. Трансформации постсоциалистического общества. - М., 2003;
Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса. //Вопросы истории. – 1992, № 4-5;
Уткин А.И. Новый мировой порядок. – М., 2006; Фадин А. В. Модернизация через катастрофу? //Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Т. 1. – М., 1995;
Хорос В.С.
В ловушке традиционализма или специфика России? //Российский цивилизационный космос. – М., 1999; Ядов В.А. Россия как трансформирующееся общество. //Общество и экономика. - 1999, № 10/11.

[6] Бойков В.Э. Народ и власть. Результаты социального мониторинга. – М., 2007; Гегель Л.А. Кризис «17 августа»: отражение в массовом сознании молодых россиян. //Основные проблемы социального развития России. Аналитический вестник. – 1999, № 6; Генисаретский О. И. Культурно-антропологическая перспектива России. //Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Т. 2. - М., 1995; Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых: историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. Т.1. – М., 2000;
Данилова Е.Н.
Проблемы социальной идентификации населения в постсоветской России. //Материалы общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 1997, № 3;

Добрынина В. И., Кухтевич Т.Н.

Процессы перемен в сознании российской учащейся молодежи: по материалам социологического исследования «Молодежь и образование в современной России».

//Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. - 2003 N 4;

Калашников М.А. Вперед, в СССР – 2. Национальная идея или направление главного удара. – М., 2003

;

Кара-Мурза С.Г.

Советская цивилизация. – М., 2001;

Лисичкин В., Шелепин Л. Третья мировая: информационно-психологическая война. – М., 1999;

Осадчая Г.И. Стиль жизни молодых горожан: трансформация и региональная дифференциация. //Социологические исследования. – 2002, № 10; Панарин А.С.

Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М., 2001;

Пугачев В.П. Информационная власть и демократия. //Общественные науки и современность.-1999, № 4;

Сунгатуллина Г.А.

Ценностные ориентации и мотивационная сфера подростков и молодежи //Вестник МГУ. Сер.18. – 2002, №3

;

Тавокин Е.П. Массовая коммуникация: сущность и состояние в современной России. – М., 2005;

Туманов С.В.

Современная Россия: массовое сознание и массовое поведение: Опыт интегративного анализа. – М., 2000;

Усманов Б.Ф. Технологии развития инновационной активности молодежи.

//Социологические исследования. -

2005, № 6

; Хорос В.С. В ловушке традиционализма или специфика России? //Российский цивилизационный космос. – М., 1999;

Шафаревич И.Р.

Зачем России Запад? – М., 2005.

[7] Бердяев Н.А. Судьба России. – М., 1990; Булгаков С.Н. Сочинения. – М., 1993; Гумилев Л.Н.

От Руси к России. - М., 2004;

Ильин И.А.

Аксиомы религиозного опыта. - М., 2002;

Карсавин Л.П.

Путь православия. – М., 2003;

Розанов В.В.

Апокалипсис нашего времени. – М., 1994;

Сорский Н. Преподобный

. О восьми главных страстях и победе над ними. - М, 1997;

Трубецкой Н.С. Сочинения. - М., 1994; Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. – М., 2005.

[8] Антология русской классической социологии: Тексты. /Сост. и коммент. Д.С. Клементьева, Л.Н. Панковой. – М., 1995; Астафьев П.Е. Национальность и общечеловеческие задачи (к русской народной психологии) //Вопросы философии. - 1996 № 12; Барулин В.С. Российский человек в XX веке. /Потери и обретения себя/. - СПб., 2000; Барсукова С.Ю. Неформальная экономика и система ценностей россиян: точки соприкосновения.// Социологические исследования.-2001.-№ 1; Бороноев А.О., Смирнов П.И. Россия и русские. Характер народа и судьбы страны. – СПб., 1992; Валянский С.И., Калужный Д.В. Понять Россию умом. – М., 2001; Веретенников Н.Я. Российская ментальность и современность. – Саратов, 2000; Гаврилюк В.В. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации. //Социологические исследования - 2002. №1; Гринева С.В. Ценностные основания менталитета в трансформирующемся российском обществе. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. – Ставрополь, 2002; Гудзенко А. В. Русский менталитет. - М., 2003; Заикин С.П. Национальная идея и Россия. //Логос. - 1992. Кн. 2; Каган М.С. Философская теория ценности. – СПб., 1997; Марков А.П. Аксиологические и антропологические ресурсы национально-культурной идентичности. – СПб., 2000; Мостовая И.В., Скорик А.П. Архетипы и ориентиры российской ментальности. //Полис. - 1995 № 4.

[9] Маслоу А. Мотивация личность. – СПб., 2003; Inglehart R. Culture shift in advanced industrial society. – Princeton: Univ. Press, 1990. /

The internet-article by

:

<http://pup.princeton.edu/titles/5981.html>

[10] Лосский Н.О. Ценность и бытие. – М., 2000; Фромм Э. Иметь или быть? – М., 1991; Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. – СПб., 1999.

[11] Еремичева Г. Грязь: символические и практические измерения социальных проблем в Санкт-Петербурге. От грязи к преступности: динамика восприятия социальных проблем населения Санкт-Петербурга. //Мир России. - 1997. Т.4. № 2; Козырьков В.П. Российский вариант ресентимента. //Естественнонаучное и гуманитарное знание в цифровой век. Материалы III межвузовской научной конференции ННГУ. – Нижний Новгород, 2001.

[12] Александрова О.А. Социально-экономические интересы и ориентации формирующегося среднего класса. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. соц. наук. - М., 2001; Беляева, Л.А. Кому на Руси жить хорошо? Стратегии выживания, адаптации, преуспевания. //Социологические исследования.-2001, № 6; Голенкова З.И., Игитханян Е.Д. Средние слои в современной России. //Социологические исследования – 1998, № 7; Данилова Е.Н. Проблемы социальной идентификации населения в постсоветской России. //Материалы общественного мнения: экономические и социальные перемены. – М., 1997. № 3; Ильин В.М. Социальное неравенство. – М., 2000; Калимуллин Т. Р. Формирование среднего класса в Российском обществе (теоретико-методологический анализ). Автореф. дисс. на соиск уч степени канд. соц. наук. – Казань, 2000; Радаев В.В., Шкаратан О.И.

Социальная стратификация. - М., 1996; Рыбалов Д.Е. Средний класс в России: тенденции и перспективы развития. – М., 1999;

Рывкина Р.В.

Формирование новых экономических классов. //Социологический журнал. 1994. № 4; Степанова О.К. Средний класс как модель социальной идентификации в постсоветской России. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. соц. наук. – М., 1999; Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. – М., 1999; Хахулина Е.А. Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации. //Мониторинг общественного мнения № 2 (40) - март-апрель 1999; Шакирова А. Р. Факторы социальной стратификации постсоветского российского общества в условиях становления рыночных отношений. Автореф. дисс. на соиск уч. степени канд. соц. наук. - Казань, 2001.

[13] Бойков В.Э. Ценности нравственного сознания: опыт социологического изучения. Выборочный соц. опрос населения РФ. Выборка 2400 чел. – Москва, РАГС, 2003 http://www.rags.ru/s_center/st-b1.shtm

;

Лапин Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России. //Социологические исследования. - 2003. № 6;

Гаврилюк В.В. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации. //Социологические исследования - 2002. №1;

Блаженкова О., Гурова Т. Средний класс. Все что вы уже знали, но боялись произнести вслух.

<http://www.nns.ru/Elect04alit/comments/kom1495.html>

;
Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации: (социологический анализ) 1992-2002. - М., 2003.

Региональные социологические исследования:

Материалы социологического исследования в рамках проекта «Общество, власть, бизнес: межсекторный диалог». - Астрахань. Мониторинговые срезы с октября 2001 по май 2004;; «Электоральные предпочтения представителей различных социальных слоев Астраханского региона». - Астрахань, июнь 2004 – октябрь 2004; «Мониторинг социально-политических и экономических проблем Астраханского региона». - Астрахань, май 2005. «Анализ религиозной ситуации в Астраханской области». – Астрахань, сентябрь 2006; Материалы из отчетов по названным региональным исследованиям см.: Фролова Ю.С. Типология личности в современной российской полиэтнической провинции. - М., 2005.

[14] Барзилов С.И. Российская провинция как политический феномен. – Саратов, 2004;
Берус В.В. Центр и провинция в российской философской культуре. //http://www.niiss

.
ru
/
newdesign
/
rus
—
parl
.
shtml
;

Бурлина Е.Н.
Мифы о провинциальной культуре. //Российская провинция. – 1994, № 1; Веселов В.Р.
Интеллигенция и провинция в исторической судьбе России. – Кострома, 2001;
Данилов А.А., Меметов В.С
. Интеллигенция провинции в истории и культуре России. – Иваново, 1997. Злотникова
Т.В. В России центр на периферии: провинциология как ракурс культурологи.
//Материалы межрегиональной научной конференции. – Киров, 2003; Казарин В.С.
Центр и русская провинция.

//
http
://
www
.
voskres
.
ru
/

idea

/

province

.

htm

;

Кудинов В.А. Российская провинция как объект изучения.

<http://www.tellur.ru/~historia/archive/03-00/kudinov.htm>

; Люхтерхандт Г., Рыженков С., Кузьмин А. Политика и культура в российской провинции. – М., 2001.

Мамедов О.Ю. Провинция -

contra

– Центр. Исторические параллели. //Вестник Ростовского гос. ун-та. – 2004, т.2. № 3;

Мешкова Н.А. В России центр – всегда провинция.

//

http

://

licey

.

onego

.

ru

/2001-11/

L

-11-2-7.

html

;

Олейник О.Ю. Социокультурные проблемы истории и современного развития Российской провинции. – Иваново, 2002; Плюснин Ю.М. Российская провинция: постоянство в переменах. //Человек. – 2001, № 6;

Ромах О.В

. Провинциальная культурная среда. //Общественно-политическая мысль российской провинции. XX век. Тезисы докладов межвузовской научной конференции. – Тамбов, 1993;

Сайко Е.А.

Российская провинция как социокультурный феномен. Автореф. дисс. к.ф.н. - М., 1997;

Сизенцева Л.И. Хронотоп провинциала. //Русская провинция: культура

XVIII

–

XX

веков. – М., 1993; Соскин В.Л. Центр и провинция – новые «полюса» историографии советской интеллигенции России. //Интеллигент в провинции. – Екатеринбург, 1997.

[15] Алешковкий И.А. Детерминанты внутренней миграции населения: анализ

отечественных и зарубежных исследований. – М., 2006; Воробьева О.Д. Методологические проблемы разработки и реализации государственной миграционной политики //Экономическая наука современной России, № 4 (31), 2005; Витковская Г.С. Вынужденная миграция и мигрантофобия в России. Нетерпимость в России: старые и новые фобии. – М., 1999; Гонюков Ф. А. С. Россия в системе вынужденного миграционного взаимодействия на постсоветском пространстве в 90 - е годы. - М., 2000; Гришанова А.Г., Сигарева Е.П., Тарасова Н.В. Миграционная ситуация в России: типовые и региональные особенности. – М., 2005; Дмитриев А. В. Миграция: конфликтное измерение. – М., 2006; Ефимов Ю.Г. Миграция и политический процесс: проблема соотношения. //Социально-гуманитарные знания, № 3, 2006; Иванова Л.В. Актуальные проблемы миграции в России: аналитический обзор. – М., 2006; Юдина Т.Н. Социология миграции: к формированию нового научного направления. – М., 2003

[16] Ерохин А.М. Этнополитические аспекты трансформации российского общества. – М., 2003; Рязанцев С.В. Современный демографический и миграционный портрет Северного Кавказа. – Ставрополь, 2003; Назарова Е. Миграционная политика требует коренного пересмотра // Российская Федерация сегодня, 04.2006; Пядухов Г.А. Этнические группы мигрантов: тенденции притока, стратегия поведения. – Пенза, 2003.

[17] Авксеньтьева В.А. Этническая конфликтология: в поисках новой научной парадигмы. - Ставрополь, 2001; Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – М., 2005; Мозговая А.В. Этносоциальная толерантность: взгляд с позиции социологии риска. //Россия реформирующаяся. – М., 2003. Вып. 3; Молдобаев К.Х. Этносоциальная память, идентичность и глобализация. – Бишкек, 2005; Паин Э. Этнополитический маятник: цикличность этнополитических процессов в постсоветской России. //Общественные науки и современность. - 2003, № 6; Садохин А.П., Соколов М.М. К истории постсоветской этничности. //Журнал социологии и социальной антропологии. - 1999. т.1.; Савва М.В. Этнический статус. – Краснодар, 1997; Солдатова Г.У. Этническая идентичность и этнополитическая мобилизация. //Демократизация и образы национализма в РФ 90-х годов. – М., 1996; Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М., 1999; Степанов В.В., Тишков В.А. Россия в этническом измерении. //Социологические исследования. – 2005, № 9

; Хотинец В.Ю. Разработка модели общекультурного пространства в полиэтничном регионе. //В рамках проекта «Толерантность в современной цивилизации».

http://mion.rsu.ru/display_project?id=300850071488

;

Цветков О.М.

Русский вопрос в титульных республиках: русские на Северном Кавказе. Вызовы XXI

века. //Южнороссийское обозрение. – Ростов-на-Дону, 2002, № 10.

Ягьяева М.А. Межэтническое взаимодействие в сфере духовной культуры. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени к.ф.н. - Ставрополь, 2002.

[18] Фролова Ю.С. Феноменологический анализ ценностных ориентаций транзитивного общества. //Новая феноменология духа. /Под ред. проф. П.Л. Карабущенко. – Москва, 2004; Фролова Ю.С. Современная российская полиэтническая провинция и молодежь: анализ социокультурных особенностей. //Современные массовые процессы и молодежь. - Воронеж, 2004. Т.1; Фролова Ю.С. Антропокультурный ресурс российской молодежи и проблема «проедания» интеллектуального потенциала. //Современные массовые процессы и молодежь. – Воронеж, 2005. Т.2.